

НИКИТСКИЙ
КЛУБ

Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 145

ЭКОНОМИКА РОССИИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

МОСКВА

2026

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Экономика России и геополитические вызовы

Выпуск 145 — М., 2026 — 68 с.

«Экономика России и геополитические вызовы» — доклад А.Н. Клепача, главного экономиста Внешэкономбанка, на заседании Никитского клуба с последующим обсуждением. В преамбуле доклада автор образно представил российскую экономику как экономику «с узкой талией» — «с внушительным основанием сырьевого энергетического комплекса, с ощутимым верхом сферы услуг и узким *перешейком средств производства, микроэлектроники, станкостроения*». С талией, «зашнурованной до потери кровообращения», — прозвучало уточнение (А. Привалов).

В содержательном, по единодушному мнению, докладе — анализ ситуации и болевых точек российской экономики, экспертные оценки системного управления, когда «мы могли бы развиваться намного лучше».

ББК 65.9(2Рос)

© Московская Биржа, 2026
© Никитский клуб, 2026

Заседание Экономика России и геополитические вызовы 21 мая 2026 года

Участники обсуждения:

Буклемишев Олег Витальевич, заведующий кафедрой макроэкономической политики и стратегического управления, заместитель декана по международным связям экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат экономических наук

Горелик Александр Семёнович, эксперт по международным организациям

Громов Василий Александрович, профессор факультета компьютерных наук НИУ ВШЭ, доктор физико-математических наук

Григорьев Леонид Маркович, научный руководитель департамента мировой экономики, ординарный профессор НИУ ВШЭ

Данилов-Данильян Виктор Иванович, научный руководитель Института водных проблем РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук

Иванова Наталья Ивановна, руководитель научного направления отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН, академик РАН, доктор экономических наук, профессор

Клепач Андрей Николаевич, главный экономист Внешэкономбанка России, председатель попечительского совета Института ВЭБ, кандидат экономических наук

Николаев Игорь Алексеевич, главный научный сотрудник Института экономики РАН, доктор экономических наук

Перов Максим Вениаминович, руководитель проекта Института Генплана Москвы, профессор Международной академии архитектуры

Привалов Александр Николаевич, вице-президент — председатель Совета Никитского клуба

Привалова Мария Александровна, куратор социокультурных проектов и исследований

Тамбовцев Виталий Леонидович, главный научный сотрудник лаборатории институционального анализа экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор

Устюжанина Елена Владимировна, руководитель лаборатории институциональной динамики, главный научный сотрудник ЦЭМИ РАН, доктор экономических наук, профессор РЭУ имени Г.В. Плеханова

Заседание ведёт А.Н. Привалов

А. Н. Привалов, вице-президент – председатель Совета Никитского клуба
Добрый вечер, господа! Позвольте открыть очередное заседание нашего клуба. Сегодня мы обсуждаем тему «Экономика России и геополитические вызовы».

А.Н. Привалов, А.Н. Клепач (слева)

Я недавно просмотрел наши анналы на сайте Никитского клуба и с интересом обнаружил, что тему, сходную с сегодняшней, мы обсуждаем с завидной регулярностью больше двадцати лет. По-моему, в 2002 или в 2003 году было первое заседание Никитского клуба по подобной теме, потом они очень регулярно повторялись, была даже такая — где-то, наверное, в году 2014-м — «Можем ли мы преодолеть экономический кризис?»¹. Всё это можно посмотреть на сайте клуба, всё это очень интересно. Много повторяющихся тем в течение этих двух десятилетий, много, я бы сказал, рефренов.

Это не значит, что обсуждаемые вопросы теряют остроту, — скорее наоборот, они её приобретают. Сегодняшняя тема, повторяю, «Экономика России и геополитические вызовы», но можно же её и расширять — и геоэкономические вызовы, и внутриполитические, и внутриэкономические. В приглашении к сегодняшнему заседанию содержалась такая метафора: мол, экономика России — это нечто вроде дамы из XIX столетия с перетянутой талией. С перетянутой талией, да. Сырьевые отрасли внизу эдаким пухом; сверху, значит, финансы и услуги, другая выпуклость, — и совсем какая-то маленькая хрень посередине, зашнурованная до потери кровообращения.

¹ «Можем ли мы преодолеть экономический кризис?». Никитский клуб, 9 ноября 2014 года. Выпуск №70. <https://nikitskiyclub.ru/wp-content/uploads/2015/04/70.pdf>

И это, несомненно, так. Даже если забыть про то, что страна воюет, если всё связанное с войной оставить в стороне, — смотрите: на добрых людей, которые пытаются хоть чем-то заниматься в области талии, одновременно обрушился в последнее время и жутко передавленный курс рубля, и привычная нехватка, точнее, отсутствие длинных денег, немыслимая стоимость кредита, и всё это вместе... И одновременно налоговая атака на многие подвиды бизнеса, совершенно невыносимая. Всё это как-то вместе — и при этом всем очень хочется, чтоб талия округлялась, чтобы формы становились более естественным... Вряд ли это обоснованное ожидание. Не очень понятно, с чего бы ей округляться.

А геополитические вызовы действительно есть, мы прекрасно это понимаем. И то, что нашей стране удаётся с неожиданной, для внешних наблюдателей очевидно неожиданной устойчивостью их в течение долгих лет переносить, — ну, это, на самом деле, достижение. В какой степени оно обещает перспективы впереди, не знаю. Эти вопросы, собственно, у всех нас крутятся в голове.

Многие, наверное, обратили внимание: недавно было заседание Союза машиностроителей. Там президент сказал, что, поскольку у нас сегодня заседание юбилейное, праздник, поэтому не будем о грустном, не будем о длинных деньгах, не будем о курсе рубля, не будем о стоимости кредитов — не будем, мы всё время это обсуждаем с правительством... Ну хорошо, обсуждайте. Очень приятно об этом узнать.

Вступительный доклад к обсуждению нашей сегодняшней темы сделает Андрей Николаевич Клепач, главный экономист государственной корпорации развития ВЭБ, председатель попечительского совета Института ВЭБ, доцент кафедры макроэкономической политики и стратегического управления экономфака Московского государственного университета имени Ломоносова.

А.Н. Клепач

Александр Николаевич, я бы всё-таки немного по-другому поставил акценты. Понятно, что мы переживаем не первый экономический кризис — как Россия, так и мировая экономика. Но, на мой взгляд, конфликты и вызовы, которые сложились в последние несколько лет, всё-таки беспрецедентны для всего послевоенного периода. Их нельзя сравнить ни с экономическим кризисом 2008-2009 годов, ни в какой-то мере даже с военными конфликтами времён Холодной войны во Вьетнаме или Афганистане. Мир сейчас действительно находится в состоянии очень системного переворота, переформатирования. Слово «перестройка» у нас ассоциируется с плохой историей, тем не менее это турбулентность передела экономической власти, военно-политической власти. Чем он завершится, пока сказать сложно, но, я повторю, существует несколько общих экспертных оценок, которые обычно здесь рассматриваются. (Рис. 1.)

Мир вступил в полосу изменения глобальной геополитической и геоэкономической конфигурации и передела сфер влияния

- Эти глобальные изменения характеризуются значительным изменением баланса сил между ведущими странами и блоками, ростом торговых барьеров и войн, военно-политическими конфликтами в разных регионах. Фактор национальной безопасности и национальных интересов приобретает приоритет над целями экономического и устойчивого развития
- Модель глобализации 80-90 годов исчерпывается и разворачивается регионализация мировой экономики. Формируется три и более крупных экономических «макрорегиона»:
  - (1) Евроатлантический блок в составе США, ЕС, Великобритании, Японии и др. стран, хотя политика реиндустриализации Америки и «Америка превыше всего» обостряет противоречия внутри этого интеграционного движения
  - (2) Глобальный Юг с полюсами интеграции в Китае, Индии, Латинской Америке, Африке, Ближнем и Среднем Востоке
  - (3) Большое Евразийское интеграционное пространство с центрами в Китае и его проектом «Путь и Пояс», Индии, России и ЕАЭС на постсоветском пространстве
- Западная блокада России практически разорвала интеграционные связи между Российской экономикой и Евросоюзом, российский экспорт переориентировался на Восток, но его объемы пока не компенсировали потери на западном направлении. При этом развитие новых направлений экспорта (в т.ч., энергоносителей) остается уязвимым к растущим санкционным ограничениям, особенно со стороны США
- Конфликт на Ближнем Востоке, ведущий к повреждению части нефтегазовой и иной инфраструктуры разрыву многих торговых-транспортных цепочек, вызвал всплеск спроса и цен на основные товары российского экспорта (прежде всего, на нефть, газ и продукты из них, включая удобрения), что дает временные преимущества российской экономике и шанс повысить ее роль в мировой экономике (включая инфраструктуру). Новая ситуация может изменить траекторию развития мировой и российской экономики
- Какое место в этом мире займет Россия – ослабленная, но суверенная региональная держава, несuverенная зависимая от США или Китая государство, или процветающая самостоятельная: частично открытая, встроенная в мировые интеграционные процессы экономика

Усиление внутренних противоречий как среди стран НАТО и ЕС, так и в Евразийском сообществе и БРИКС

Рис. 1

Сейчас формируются, может быть, не блоки, а скорее альянсы или группы, потому что блоками это не назовёшь, во всяком случае, в том смысле, в котором понимался Советский блок, Атлантический блок в 1960-е и 1970-е годы. Тем не менее есть некоторый евроатлантический блок или группировка, в которую входят Соединённые Штаты, Евросоюз, Великобритания, Япония. Несмотря на то, что там куча конфликтов, надо отдать должное, дисциплина и, более того, степень контроля там на порядок выше, чем в любых других объединениях.

Это также, как мы любим говорить, Глобальный Юг, где есть Китай со своим полюсом интеграции под флагом «Пояс и Путь», и другими более многомерными каналами интеграции. Индия, которая выстраивает свою зону влияния. Разные объединения в Латинской Америке. Понятно, что эти макроблоки и группы несопоставимы как по количественным, так и по качественным параметрам, так как все формы объединений и партнёрств в Евразии, на Африканском и Латиноамериканском континентах отличаются рыхлостью и слабой организованностью. Тем не менее идея партнёрства стран Глобального Юга и образования своих самостоятельных мировых институтов интеграции и взаимодействия набирает силу, в т.ч. в формате БРИКС, ШОС, и ЕАЭС. Убеждён, что со временем они перейдут к более высокой степени интеграции, многоуровневого и многополюсного партнёрства.

Всё это после начала СВО, да, в общем-то, и раньше, находится тоже в активной перестройке и кризисных процессах, связанных с антироссийскими санкциями, к которым вынуждено прибегают все наши партнёры, которых мы называем дружественными, — и Китай, и Индия, и Казахстан,

и Узбекистан, — кто больше, кто меньше. Правда, справедливости ради надо сказать, что мы тоже стараемся не нарушать американские санкции против Кубы. Один танкер прошёл после получения разрешения от США, а второй до сих пор болтается в тысячи миль и опасается пойти на прорыв «американской блокады».

Мир в этом смысле очень своеобразный, и то, что мы делаем, и что все делают, не соответствует тому, что говорят. Но американским санкциям все больше или меньше подчиняются.

Естественно, при всей буре противоречий и конфликтов возникает вопрос: а какое место мы будем занимать в этом мире и сейчас, и дальше? Будем ли, как мы говорим, — и это приоритет нашей политики, — суверенной региональной или даже мировой державой, или мы превратимся в страну с несuverенной экономикой, в подавляющей степени зависящей от Китая? Структура российского экспорта и импорта и так указывает на крайне высокую степень зависимости от Китая, во многом более высокую, чем ранее от Евросоюза. Вопрос только, насколько мы будем выполнять те или иные регуляторные требования Китая и допускать китайский бизнес к контролю над разными секторами российской экономики. Или мы вновь станем зависимым государством от США и Евросоюза, если вдруг договоримся, а так или иначе мы когда-нибудь договоримся, весь вопрос, какой ценой. Трамп называет это «большой сделкой», — мы говорим об определённом мирном решении, причём глубинном долгосрочном мирном решении конфликта на Украине и формировании новой Евразийской системы безопасности с учётом интересов России и Китая. Сейчас очень трудно сказать, как это всё будет выглядеть даже в ближайшее время, но все военные противоборства рано или поздно завершаются хорошим или плохим миром.

Если раньше наша политика ориентировалась на вхождение в передовую западную цивилизацию, интеграцию в европейскую экономику, западные институты, альянсы с международными, преимущественно европейскими и американскими, компаниями, то в условиях глобального противоборства, даже после окончания СВО, мы не вернёмся к модели евроинтеграции. России предстоит выстраивать свою собственную суверенную экономику и цивилизацию с опорой на наши традиции и ресурсы, несмотря на ограниченность нашего потенциала, но открытую для партнёрства и сотрудничества со всеми, кто готов взаимодействовать с Россией. Можно сказать, что наша задача — многополярная балансировка между глобальными макроблоками с сохранением своей идентичности и самостоятельности.

Какими характеристиками должна обладать российская экономика для такого суверенного, но открытого развития, чтобы не превратиться в полностью осаждённую замкнутую в себе крепость? Попробую выделить набор развилки или проблем на этом пути к суверенности развития, а не замыкания и стагнации (рис. 2).

От политики интеграции в Западную экономику к экономике осажденной крепости и поворота на Восток или Глобальный Юг

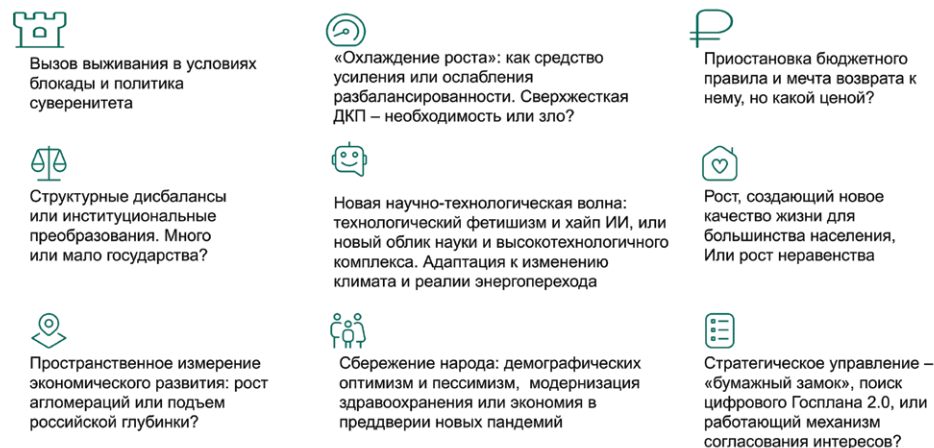

Рис. 2

Понятно, что у нас сейчас главный вопрос — это выживание и поддержание экономического и геополитического суверенитета в условиях фактической западной блокады и длительного военного конфликта. Да, мы продемонстрировали достаточно высокую устойчивость к санкциям, хотя масштаб санкций нарастает, мы к этому адаптируемся, но нарастает и масштаб потерь. Если раньше у нас была макроэкономическая развилка, — по нашим документам, надо ускорить рост, он будет быстрее мирового или медленнее мирового, — то сейчас мы обычно такие сопоставления вообще не проводим.

У нас охлаждение. Но сейчас охладились настолько, что получили спад, и требование — давайте активизируем экономический рост. Про то, быстрее он или медленнее мирового, уже не вспоминают. После рекордных темпов роста российской экономики в 2023-2024 годах они упали в 2025-м и, судя по ожиданиям, и в этом году ниже темпов роста США и Украины, с которыми мы ведём военно-политическое противоборство. Понятно, что на Украине до этого был огромный спад в 2022 году, но с точки зрения динамики и длительного противоборства это очень серьёзный риск.

Если говорить уже об инструментах, бюджетное правило де-факто мы приостановили, но если кто-то вспомнит, как принимался бюджет в прошлом году, — хотя, наш бюджет, как известно, живёт не больше одного года, — то мы должны были через два-три года, по сути дела, вернуться к выполнению бюджетного правила. Сейчас у нас, я думаю, такого не произойдёт, тем не менее эта мечта Минфин не покидает, он и сейчас предлагает и прорабатывает набор мер, как всё-таки к нему вернуться. Цена вопроса — это уже предмет макроэкономического анализа. Здесь всё у всех по-разному. Но это

структурные преобразования, причём опять же не только в структуре экономики, но с точки зрения баланса сил — много или мало государства. Этот спор шёл у нас и в 1990-е годы, и в 2000-е, но сейчас в условиях санкций и частично военной экономики он идёт в совершенно ином ключе.

Тема научно-технологического развития всегда была трепетна. Раньше приоритетом экономической политики были инновации — сейчас искусственный интеллект, как новый «атомный проект» и вообще главное средство всего мирового развития. В правительстве идёт новая волна обсуждений, как перестроить, желательно без денег, систему управления нашей наукой и технологическим развитием. Согласованного решения нет, как и увеличения государственного финансирования науки и технологий. По параметрам государственного и частного финансирования НИОКР, как известно, мы в 2,5 раза отстаём и от США, и от Китая, и от Евросоюза. При такой «экономии на будущем» не выиграть в глобальной научно-технологической конкуренции, какими бы научными и управленческими талантами мы ни обладали.

Всё-таки экономический рост, который сейчас замедлился, — что он вообще даст людям? Если взять экономический рост 2000-х годов со среднегодовыми темпами 0,5%, то реальные доходы населения тогда фактически не росли. Сейчас скачок произошёл только благодаря военным расходам (я дальше к этому перейду). Торможение, которое мы получили, позволит обеспечить рост доходов населения или нет? Или мы опять вернёмся к ситуации стагнации доходов, которая была с 2014 по 2021 годы?

Развилки пространственного развития — стратегия у нас есть, её обновили. Но, хотя поставлена задача уменьшения межрегионального неравенства, по сути дела, сделана ставка на агломерации, в первую очередь столичные агломерации, которые увеличивают свой удельный вес в ВВП и населении страны, тогда как доля Сибири уменьшается. Если раньше снижались вклад в ВВП и население только Восточной и Центральной Сибири, то сейчас, похоже, к этому присоединится и Западная Сибирь. Темпы роста в нефтегазовых регионах резко замедлились и, соответственно, усилились бюджетные проблемы.

Сбережение народа — это наш приоритет. Более того, до губернаторов доведены целевые показатели по рождаемости, при этом данные по смертности, по численности населения закрыты. Росстат сейчас принял решение не публиковать одновременно данные по ВВП и по ВВП на душу населения, чтобы никто не поделил одно на другое и не увидел, что произошло с населением за прошлый год и текущие месяцы. Они всё-таки должны их публиковать, в соответствии с требованиями международной статистики, но мы сейчас не все требования международной статистики как раз в части демографии выполняем. На поддержку семьи и рождаемости, по экспертным оценкам, тратится в России вместе с неденежными льготами около 1,6-2,1% ВВП. Меры поддержки рождаемости затратны (во Франции, Германии — около 2,7-3% ВВП),

при этом уровень рождаемости при всей важности денежной поддержки всё же определяется в первую очередь ценностными и поведенческими факторами — ролью женщины, материнства и отцовства, семейной жизни в обществе, возможностями обеспечить образование и здоровье детям.

Вызов эффективной системы управления и формирования ответственной элиты — один из самых острых и в прошлом, и в наше время. Помимо традиционных споров и конфликтов между денежной, бюджетной, промышленной политиками и политикой роста, сейчас активизировались поиски нового баланса между национализацией и приватизацией, а также новой модели стратегического управления. Правда, нынешняя приватизация выглядит скорее как отбор активов у «плохих» людей и передачу их, зачастую по низкой цене, «хорошим» людям. Перераспределение собственности идёт, но оно определяется не столько приоритетом укрепления целостности российской экономики и повышения её эффективности или действительно восстановлением нарушенной ранее справедливости, сколько изменением баланса частных интересов в условиях антироссийских санкций.

Обсуждение судьбы стратегического управления само по себе, на наш взгляд, позитивно и отражает давно назревшую потребность в системном работающем стратегическом управлении, как бы ни была турбулентна повседневность. При обилии стратегий и планов они больше выступают как бумажные замки, чем как реально работающий механизм. Даже помощник президента Орешкин говорит о возвращении принципов «плановой экономики», или «Госплана 2.0», который похоже видится как новая цифровая платформа. Однако при всей важности цифровых платформ и обработки больших данных, они не могут заменить механизм принятия системных стратегических решений, организацию согласования интересов, потоков ресурсов, то есть то, чем реально занимался Госплан и другие ведомства с приоритетом общегосударственных, а не частных интересов, реального производства, а не денежно-финансового. Понятно, что и в советские времена интересы того или иного ведомства или организации входили в противоречие с интересами государства в целом и брали иногда над ним верх, движение реальных ресурсов отрывалось от денежных, что проявлялось в систематическом дефиците и подавленной инфляции. Однако система координат ориентировалась на другие, чем сейчас, ценности.

Эти кривые показывают динамику экономики в целом и российской промышленности за последние годы (рис. 3). Здесь видно, что темпы роста ВВП — зелёные линии — провалились у нас в 2015 году после санкций за «Крым — наш», когда цены на нефть пошли вниз. Дальше было некоторое повышение, но оно прервалось ковидом 2020 года. В 2022 году мы просели, но не сильно, и, наконец, скачок в 2023–2024 гг. А дальше 2025 год — 1% роста; в 2026-м, по нашей оценке [Института ВЭБ], 0,3%, у Минэка — 0,4%. Значимых высоких темпов роста никто не предполагает.

Отрасли ОПК были драйвером экономического роста в 2023–2024 годах. В среднесрочном периоде ожидается существенное торможение их динамики на фоне замедления роста оборонных расходов

Динамика ВВП, обрабатывающей промышленности, отраслей ОПК и расходов на оборону и безопасность

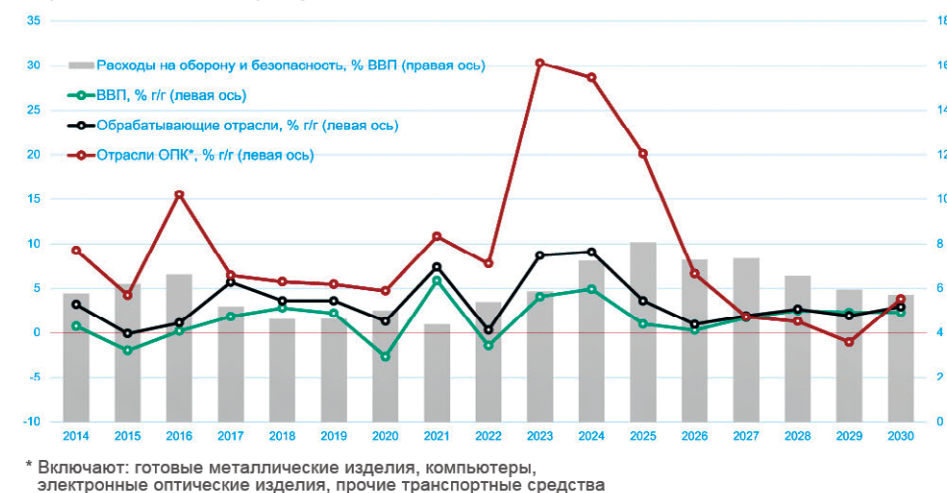

Рис. 3

Серые столбики — это расходы на оборонную безопасность в процентах к ВВП за последние годы и прогноз (оценка Института ВЭБ). Здесь видно, что даже после «Крым — наш» у нас уровень расходов, в принципе, был не сильно большой, фактически где-то от 4 до 5% ВВП. С началом военных действий, естественно, расходы пошли вверх, сейчас они около 8% к ВВП или выше. В бюджете на 2026 год планировалось сокращение расходов на оборону и национальную безопасность даже в номинальном выражении. Я не думаю, что будет сокращение в номинальном выражении, скорее рост, но не такой, как в предыдущие годы. Но всё равно после завершения активной фазы боевых действий, возможно, в конце 2027-го или в 2028 году, они начнут сокращаться, однако их уровень будет существенно выше, чем это было до СВО.

Военные расходы не только дали импульс росту ВВП, но и способствовали существенному увеличению реальных доходов населения. Если раньше, по нашей оценке, вклад денежного довольствия и всех прочих военных выплат в доходы населения был около 2% доходов населения, то сейчас примерно 7-8%. То есть значительная часть роста реальных доходов населения в 2023–2025 годах — это расходы военного характера. Плюс рост промышленности, работающей на нужды обороны, привёл к ускоренному росту заработных плат работников ОПК, а вслед за ними и в корпоративном секторе в целом.

Чёрная и красная линия на графике — это динамика в целом обрабатывающих отраслей. Красная — это те, которые в большей степени относятся к отраслям оборонно-промышленного комплекса. Если в 2023—2024 годах у нас росла и гражданская и военная промышленность, то в 2025 году, по нашей оценке, гражданские обрабатывающие отрасли упали примерно на 2%. Рост военной промышленности составил от 16% до 20%. То же самое и в первом квартале текущего года. Единственно гражданские отрасли, которые росли в 2025 году, — это фарма и удобрения, и то они замедлились к концу года, в том числе из-за ударов ВСУ по химическим заводам. Поэтому мы находимся на переломе.

Это привело к тому, что мы получили спад в первом квартале (рис. 4). Институт народнохозяйственного прогнозирования и Институт ВЭБ прогнозировали и предупреждали правительство, что получим не «охлаждение», а спад. У нас, судя по последним выступлениям, принято говорить, что это «циклическая коррекция после сверхвысоких темпов роста». То, что торможение роста было неизбежно, понимали все, разумные люди в правительстве тоже. Но спад — это всё-таки результат именно, я бы сказал, рассогласованной денежно-кредитной, бюджетной и промышленной политики.

По нашим оценкам, хотя все эти оценки достаточно условны, половина торможения экономического роста — это результат сверхжёсткой денежно-кредитной политики. Причём она была не только по инвестициям. Мы получили большой спад инвестиций в 2025 году, больше, чем ожидали, и первый квартал 2026 года — провальный. Хотя квартальные данные, как известно, достаточно неточные, видимо, их переоценят, но факт, что спад носит тяжёлый характер. По нашей оценке, инвестиции сократятся в реальном выражении в 2026 году на 2,5% и, возможно, роста не будет и в 2027 году. Кроме того, высокие процентные ставки и сокращение льготного кредитования ударили по накоплению запасов, то есть фактически по текущей деятельности предприятий, и способствовали торможению потребительского спроса. Хотя продажи автомобилей, например в марте, выросли и автокредит тоже начал увеличиваться. Тем не менее другая сторона этой медали, я бы сказал 50%, — это заслуга Центрального банка; где-то около 30%, здесь сложно точно подсчитать, — заслуга Минпрома, потому что мы сдали практически большую часть рынка автомобилестроения и дорожной техники китайцам. Китайский импорт занимает почти 50% рынка легковых автомобилей, а с отвёрточной сборкой — около 70% с лишним, по грузовикам — 60%. Так же во многих других отраслях.

В разных отраслях разные причины спада. В гражданском авиастроении — технологические и конструкторские проблемы с новой линейкой отечественных самолётов, а также сложности с финансированием их лизинга (хотя это скорее вопрос будущих серийных поставок). В производстве строительных материалов и металлургии — недостаток спроса как внутреннего, из-за

Активный рост 2023-2024 годов исчерпан, и в 2025-2026 годах российская экономика перешла в состояние близкое к стагнации

После роста на 4,1% в 2023-м и 4,9% в 2024 году рост ВВП России замедлился до 1,0% в 2025 году. В I квартале 2026 года ВВП снизился из-за отрицательной коррекции, грузоперевозок и оптовой торговли. Со II квартала рост может возобновиться, но в целом по году он, скорее всего, окажется еще ниже значений 2025 года. Факторы, обусловившие замедление роста экономики:

- Жесткая денежно-кредитная политика, ограничившая как инвестиционный, так и потребительский спрос, а также способствовавшая ухудшению финансового положения промышленности и АПК
- Структурные проблемы ряда отраслей: металлургии, нефтедобычи и переработки, добычи угля, автомобилестроения, с/х машиностроения, легкой промышленности, гражданской авиации, строительства
- Исчерпание роста бюджетного импульса и снижение финансирования расходов развития — сфер человеческого капитала, науки, инвестиций

Если бы не искусственное охлаждение, и ключевая ставка была бы сохранена на уровне середины 2023 года — 7,5%, то рост в 2025 году затормозился, но, по оценке Института ВЭБ, не упал бы ниже 2%. **Спад в первом квартале 2026 года — это результат не циклической коррекции, а рассогласованности экономической политики и чрезмерно жесткой денежно-кредитной политики**

Начало военных действий в Иране в конце февраля 2026 года привело к существенному изменению сложившихся тенденций: резкому росту цен на нефть и газ, увеличению глобального спроса на российские энергоресурсы. Это может дать дополнительный импульс росту российской экономики

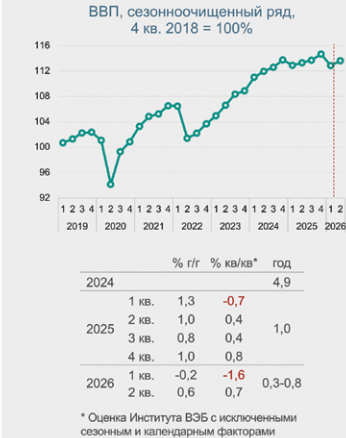

Рис. 4

спада в строительстве, так и внешнего. В лёгкой промышленности — дефицит сырья и доминирование импорта на рынке. Упала даже пищевая промышленность, в основном за счёт напитков, как из-за повышения налогов, так и ужесточения регулирования и сборов, например введения «честного знака», который сильно ударил по малому и среднему бизнесу.

Не все барьеры и издержки вызваны политикой Центрального банка — сверхвысокими ставками, ужесточением пруденциального регулирования кредитов и завышенным курсом рубля, хотя его вклад в торможение роста и спада — решающий. Это означает, что даже при существенном снижении процентной ставки никакого быстрого роста мы, к сожалению, сразу, во всяком случае в 2026 году, не получим, то есть будут лаги. Надо, чтобы изменилось поведение и населения, и предприятий. Поэтому процесс не такой быстрый.

Во всё эти внутренние проблемы вмешались коллизии на мировых рынках. И не только связанные с санкциями, негативный эффект которых существенно возрос в начале текущего года. Военный конфликт в Персидском заливе, развязанный Трампом вместе с Нетаньяху, и последовавшая блокада Ормузского пролива Ираном сильно перевернули ситуацию как в мировой экономике, так и в российской. В конце 2005 года — январе и начале февраля 2026 года Индия, несмотря на все многократные заявления о том, что они санкциям не подчиняются, резко сократили закупки нашей нефти, то же самое китайцы.

Это серьёзно сказалось на падении российского экспорта нефти и нефтепродуктов. Турция, тоже крупнейший покупатель наших нефтепродуктов, кроме Индии, остановила закупки. Всё шло как раз по санкционному сценарию.

Продолжительность и масштаб конфликта на Ближнем Востоке определяют влияние шока предложения на мировую экономику и его и долгосрочные последствия

Сценарий 1

- Ведение войны США и Израиля против Ирана сроком до 6 месяцев
- Активные боевые действия и блокировка Ормузского пролива до 3 месяцев, снижение мирового предложения нефти на 10 млн б/с в течение нескольких месяцев (дефицит около 1 млн б/с в 2026 году, тогда как в 2025 году был профицит 2,7 млн)
- Сокращение мирового предложения СПГ, серы, удобрений, лекарств, алюминия, гелия, продовольствия и других товаров
- Нанесение ущерба нефтегазовой и другой промышленной, транспортно-логистической и финансовой инфраструктуре стран Персидского залива
- Восстановление частично разрушенной инфраструктуры в течение 2027 года
- Частичное смягчение антироссийских санкций на нефть и удобрения на 3-6 месяцев
- Темп роста мировой экономики в 2026 году может быть на 0,6 п.п. ниже, чем в 2025 году. Наибольший удар придется на страны Персидского залива, ЕС, Индию и страны Юго-Восточной Азии, слабо защищенные от падения предложения нефти и газа

Сценарий 2

- Ведение затяжной войны в течение 6-12 месяцев или более
- Масштабные боевые действия, включая ограниченную наземную операцию США в Иране, и блокировка Ормузского пролива более 3-6 месяцев, частичная блокировка Баб-эль-Мандебского пролива, сокращение мирового предложения нефти на 15 млн б/с в течение 6 месяцев (дефицит ~4 млн б/с)
- Более сильное и длительное сокращение мирового предложения товаров
- Существенное разрушение нефтегазовой и другой промышленной, транспортно-логистической и финансовой инфраструктуры стран Персидского залива
- Восстановление инфраструктуры не ранее конца 2027 года
- Частичное смягчение антироссийских санкций на нефть до момента открытия Ормузского пролива
- Темп роста мировой экономики в 2026 году может быть на 0,9 п.п. ниже, чем в 2025 году. Помимо ЕС и Индии, значительно замедлится рост экономики Китая, возможно торможение экономики США

Сценарий 3

- Военный конфликт приобретает характер многолетнего (сходного с конфликтом на Украине)
- Проведение масштабной наземной операции США в Иране не дает быстрого успеха, втягивает всё новые военные силы, вооружения и ведет к заметному росту инфляции, дефицита бюджета США и процентных ставок, госдолга
- Блокировка Ормузского и Баб-эль-Мандебского пролива на неопределенный срок, значительное сокращение мирового предложения нефти
- Нанесение критического ущерба нефтегазовой инфраструктуре стран Персидского залива и Израиля, бомбардировка электростанций Ирана и его ответные действия
- Полное восстановление и строительство новой инфраструктуры затянется на срок до 5 лет и, возможно, более
- Мировая экономика может оказаться в рецессии

Рис. 5

И если бы это всё продлилось, мы бы, по нашей оценке, потеряли в 2026 году примерно против закона о бюджете около 2–2,5 триллионов рублей, в зависимости от курса. Но, спасибо Трампу и войне в Заливе, мы получили временную передышку и взлёт цен на нефть, газ и удобрения.

Мы рассматривали изначально три сценария развития конфликта в Заливе (рис. 5). Сейчас мы, скорее, где-то двигаемся между первым и вторым, хотя я не исключаю второго и третьего сценариев. Но больше — второго. Но это сценарии активной фазы противоборства с нанесением разных ударов и закупкой пролива — это три месяца; в более или менее серьёзной фазе конфликта — шесть месяцев. Так или иначе, за шесть месяцев — к лету и перед выборами, и в целом исходя из возможностей по пополнению запасов оружия и всего остального — о чём-нибудь договорятся. Мы видим постоянные переговоры. В июне заявлено о заключении сделки на 60 дней о прекращении военных действий и открытии Ормузского пролива, однако её реализация постоянно прерывается взаимными ударами и формат долгосрочного соглашения по-прежнему под вопросом.

Второй сценарий — фаза активных или менее вялых действий продлится около полугода, а в целом всё это затянется на год и даже больше, с учётом необходимых затрат и времени для восстановления инфраструктуры. Особенно газовой, потому что нефтяная, похоже, пострадала не очень сильно. Соответственно, получаются разные масштабы потерь для мировой экономики и, по нашим оценкам, они, по-видимому, хуже, чем по оценкам МВФ, и ближе к оценкам ОЭСР.

И третий сценарий — если мир всё-таки сорвётся в достаточно длительный конфликт. Я напомним, что переговоры по завершению войны во Вьетнаме шли несколько лет. Долгосрочное соглашение по урегулированию конфликта между США, Израилем и Ираном, с учётом крайне антагонистических противоречий интересов, трудно, если вообще возможно, достичь. По-видимому, Персидский залив надолго станет ареной мирного и военного переформатирования отношений, выработки системы регулирования прохождения судов по Ормузскому проливу с учётом интересов Ирана и Омана, вместо свободы мореплавания которая была раньше. По-видимому, и ОПЕК уже не вернётся к довоенному состоянию в Заливе. При этом США продемонстрировали свою возможность силовыми методами влиять на рынок и позиции игроков как в Персидском заливе, так и в Венесуэле. Мировой рынок нефти и газа находится в процессе трансформации, и она носит турбулентный и противоречивый характер, который не скоро вернётся к состоянию покоя.

С другой стороны, конфликт на Украине с участием НАТО уже длится дольше, чем Великая Отечественная война и пока его завершения не видно. Обе стороны наращивают интенсивность ударов, в том числе по экономике друг друга. Потери от ударов ВСУ по нашей инфраструктуре — портовой, нефтегазовой, по химическим комплексам, логистике — нарастают и уже превращаются в заметный макроэкономический барьер роста российской экономики.

Что это означает для нефтяной отрасли и экономики России в целом? Вместо увеличения экспорта и добычи нефти, мы, похоже, вступаем в фазу спада. Добыча может не превысить 500–505 млн тонн. Это, конечно, достаточно сильно скажется на темпах роста промышленности и ВВП. Кроме того, под ударами могут оказаться и уже начинают газовая инфраструктура и электроэнергетика. Заводы, производящие азотным удобрениям, уже получили значительные повреждения, производство и экспорт снизились, и поэтому мы не можем воспользоваться благоприятной мировой конъюнктурой. Мы увеличиваем экспорт калийных удобрений, а по азотным — спад.

Графики (рис. 6) и таблицы показывают, что всё равно пик по добыче нефти будет уже пройден где-то либо к середине, либо во второй половине этого года. Во второй половине года и особенно в 2027 году цена на нефть существенно снизится. Может повториться ситуация, которая была в конце 2025 года, чреватая большими потерями доходов нефтяников и бюджета. В сценарии затяжного конфликта (зелёная кривая) цена на нефть понизится, но всё равно останется достаточно высокой.

По газу ситуация для нас более благоприятна, потому что в Катаре разрушения побольше и с газовозами посложнее, чем с танкерами. Поэтому здесь цены останутся достаточно высокими. Как известно, Евросоюз принял решение с середины 2027 года прекратить закупки нашего газа, включая

Шок предложения нефти может быть краткосрочным в отличие от газа

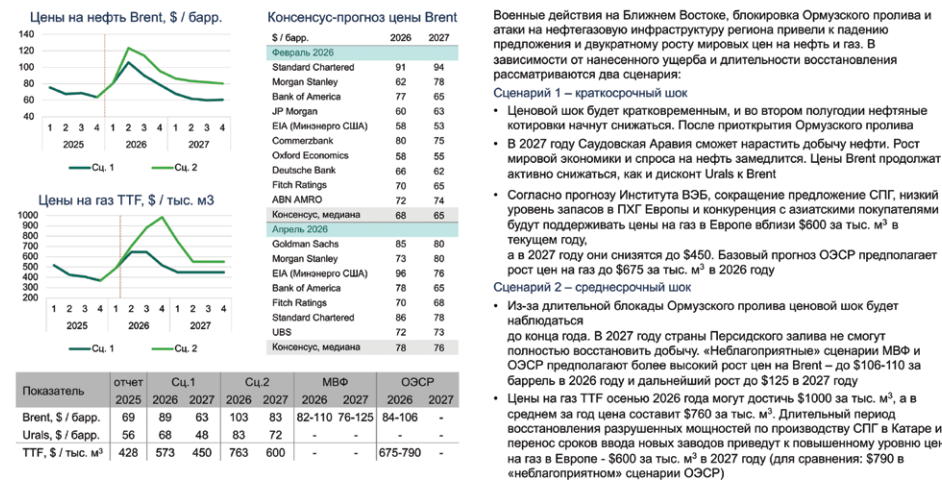

Рис. 6

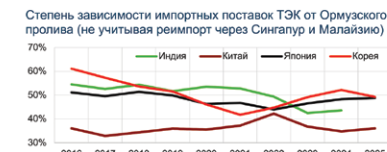
и СПГ и прочее, но сейчас пока отгрузки растут. Посмотрим, что будет дальше. Понятно, что здесь всё время идёт такой размен: чем больше будут потери в Ормузском проливе, тем больше каких-то поблажек нам будут давать. Но в любом случае это эффект выигрыша только текущего года, ну, может быть, начала 2027-го. А дальше — я специально упомянул события конца 2025-го — на нас могут отыгаться в полной мере. К этому надо готовиться заранее, а не надеяться, что и так пронесёт, и нам ничего не страшно.

Это тоже оценки — наши, МВФ, и ОЭСР (рис. 7). Я думаю, что последствия для мировой экономики в любом случае будут хуже, особенно хуже, чем оценки МВФ, потому что здесь не только вопрос запасов. Во-первых, чтобы использовать запасы, которые есть в США, тоже нужно время. С газом там ещё хуже. По удобрениям — практически вообще нет запасов. Поэтому у нас закупки удобрений увеличили даже европейцы, несмотря на запреты, которые они вводили.

Кроме краткосрочных эффектов, мы столкнёмся с очень серьёзной переконфигурацией мирового рынка нефти. Я не знаю, что останется от ОПЕК после этих событий, после выхода Эмиратов, изменения баланса сил в Заливе и новой более высокой ролью Ирана. Более того, если американцам удастся регулировать и контролировать не только нефть Венесуэлы, но и укрепить свой контроль над нефтью в Персидском заливе, то и договариваться об объёмах и ценах придётся с их участием. Возникает принципиально другая картина мирового рынка углеводородов, чем это было все последние десятилетия.

Война на Ближнем Востоке приведет к замедлению роста мировой экономики и структурным изменениям в мировом ТЭК

Прогноз мировой экономики, % г/г	2025	2026			
		Институт ВЭБ	МФО (апр. 2026)	МВФ	ОЭСР
Мир	3,3	2,7	2,4	3,1	2,9
США	2,1	2,2	2,4	2,3	-
Германия	0,2	0,4	-0,5	0,8	0,8
Франция	0,9	0,5	0,1	0,9	0,8
Италия	0,5	0,0	-0,9	0,5	0,4
Испания	2,8	2,0	1,5	2,1	2,1
Япония	1,2	0,4	0,3	0,7	0,9
Китай	5,0	4,5	4,4	4,4	4,4
Индия (фиск. год)	7,6	5,8	5,4	6,5	6,1
Турция	3,6	3,1	2,5	3,4	3,3
Корея	1,0	0,8	0,2	1,9	1,7

- Военные действия в Иране привели к повышению инфляционного давления, росту долговой и финансовой нагрузки в развитых странах
- По оценке Института ВЭБ, рост мировой экономики в 2026 году в сценарии 1 замедлится до 2,7%. Сильнее всего пострадают страны нетто-импортеры нефти и газа — Индия, ЕС и ряд стран Африки и Юго-Восточной Азии (слабее — Китай)
- Ограниченные запасы сырой нефти в Индии (покрытие лишь 25 дней) и рост цен на нефть приведут к рекордному дефициту бюджета, ослаблению рупии и необходимости сокращать расходы на развитие инфраструктуры ради выплаты топливных субсидий. При этом экономика Китая пострадает в меньшей степени в условиях высоких энергетических запасов и перенаправления нефти из России. Однако рост замедлится вместе с динамикой мировой экономики
- На экономике ЕС, кроме нефти, негативно скажется сильный рост цен на газ в условиях трудности поставок СПГ в регион. В США рост цен на топливо будет сдерживать потребительский спрос и приведет к более жесткой денежной политике, однако высокие цены на нефть позволят увеличить прибыль и производство добывающего сектора
- В сценарии 2 мировая экономика замедлится сильнее — до 2,2-2,4%
- Кроме основного сценария МВФ рассмотрел два дополнительных, предусматривающих удлинение сроков конфликта Персидском заливе, что приводит к торможению мировой экономики до 2,0-2,6%

Рис. 7

Оценки объёмов продукции ТЭК по разным сценариям развития (рис. 8). Сейчас мы в любом случае выигрываем, но, если договорятся о завершении конфликта уже к середине лета, это означает, что в 2027 году наши экспортные доходы будут, скорее всего, даже ниже, чем в 2025-м. Если конфликт продлится, выигрыш будет больше, но объём экспорта всё равно резко уменьшится.

Военный конфликт на Ближнем Востоке может открыть для России временные возможности по наращиванию экспорта продукции ТЭК, если они не будут нейтрализованы ударами по экспортной инфраструктуре

Сценарий 1

- Экспорт нефти может быть выше за счет дополнительных поставок в Китай и Индию, а также другие страны Азии в условиях временного смягчения санкций. Окончание военных действий на Ближнем Востоке и активное вовлечение венецуэляских ресурсов приведут к возобновлению санкционного давления на Россию и снижению экспорта в 2027 году
- Экспорт российских нефтепродуктов также может вырасти в 2026 году. Помимо Китая, Индии и Турции возможно развитие новых направлений (Африка, Ближний Восток и Азия). Но экспорт будет ограничиваться необходимостью обеспечения внутреннего рынка
- Однако атаки на портовую инфраструктуру Приморска и Усть-Луги могут снизить экспортные мощности нефти на 3% или 7 млн т (> \$3 млрд) и нефтепродуктов — на 4% или 4 млн т (~ \$2 млрд). Эскалация ударов может понизить экспорт на 10-15 млн т, и вызвать сокращение добычи
- Из-за прекращения экспорта СПГ из Катара и ОАЭ (обеспечивают 20% мировых поставок СПГ) могут вырасти поставки трубопроводного газа из России в Китай по «Силе Сибири». В начале 2027 года эта тенденция может сохраниться
- Умеренный рост экспорта СПГ с учетом логистических возможностей

Сценарий 2

- Большой рост экспорта нефти за счет расширения географии в 2026 году, и в 2027 году — за счет стабилизации поставок в страны Азии и Африки
- Повышенный спрос на российские нефтепродукты из-за более существенных и масштабных повреждений ближневосточных НПЗ
- Расширение поставок газа ограничено логистическими возможностями. Тем не менее, Турция может нарастить закупки российского газа для обеспечения внутреннего рынка
- Увеличение поставок российского СПГ в страны Азии за счет предоставления в аренду свободных газозовозов, выведения из-под санкций «Портовой СПГ» и «Криогаса», а также досрочного ввода второй очереди «Арктик СПГ 2»

Экспорт по отдельным видам продукции ТЭК

	Нефть, млн т	Нефтепродукты, млн т	Газ, млрд м³	СПГ, млн т
2025	231	112	115	34
2026				
Сц.1	239	108	118	38
Сц.2	255	114	125	44
2027				
Сц.1	223	105	112	39
Сц.2	244	110	119	48

Рис. 8

Рост цен на удобрения и пшеницу в 2026 году

Рис. 9

В мире избыток продовольствия, но из-за всех этих событий цены пошли вверх, что для нас тоже выгодно, поскольку мы являемся крупным экспортёром пшеницы, масличных. Однако общее подорожание энергоносителей и удобрений может, как считают многие эксперты, спровоцировать локальные продовольственные кризисы. К тому же, ограниченность нашей экспортной инфраструктуры, скорее всего, помешает нам нарастить экспорт. (Рис. 9.)

Конечно, многое зависит от того, как будет идти эскалация боевых действий. То есть к концу 2026 года с переходом на 2027 год в мире вместо избытка продовольствия и переизбытка с большими запасами может возникнуть негативная ситуация и цены станут выше. Пока наше правительство исходит из того, что, как бы мировые цены не поднимались, у нас есть квоты, есть механизм экспортных пошлин и внутренние цены останутся под контролем. Но надо понимать, что цены останутся под контролем, только рентабельность и доходы наших аграриев падают уже несколько лет. Если раньше рентабельность, допустим, на зерне в среднем была около 40%, сейчас — 4-5. Поэтому ряд регионов, в том числе сибирские, просто в минусе, в убытках. Сельское хозяйство не инвестируется примерно пять лет, в этом году, скорее всего, тоже не будет инвестиций — соответственно, спад по технике, по комплексам, по всему. И это пока не вызывает никаких мер поддержки.

Денежно-кредитная политика как была жёсткая, так и останется (рис. 10). Мы здесь исходим с того, что к концу 2026 года ключевая ставка составит 13%, это всё равно в два с лишним раза выше инфляции. И на следующий год вряд ли ставка будет ниже 9-10%, то есть тоже в 1,5-2 раза выше инфляции. Но при этом денежная масса растёт, хотя рост существенно замедлился. Поэтому, как говорится, это тормозящий фактор, но не единственный.

Денежно-кредитная политика, несмотря на смягчение, остается чрезмерно жесткой и тормозит экономический рост

Рис. 10

Инфляция начала тормозиться, было понятно, что сверхкрепкий рубль будет способствовать торможению роста цен (рис. 11). Причём не только в услугах, потому что многие из них завязаны на доллар по непродовольственным товарам. Но, что более удивительно для меня, существенное торможение цен на продовольствие произошло в конце прошлого года и в этом году. Правда, тоже надо понимать, что это произошло на фоне проблем

Инфляция-2026: тарифы ЖКХ и рост мировых цен на продовольствие

- Превышение инфляцией таргета в 2026 году будет определяться в основном высоким ростом тарифов ЖКХ, а также влиянием повышения мировых цен на топливо и продовольствие
- При этом цены производителей в текущем году пока имеют отрицательную динамику
- В 2027-2028 годах инфляция продолжит замедляться, хотя, скорее всего, несколько превысит таргет Банка России при умеренном ослаблении рубля и высоких темпах индексации тарифов

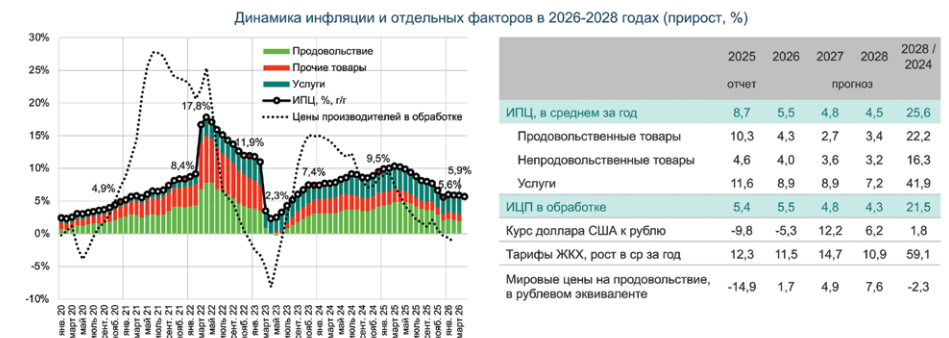

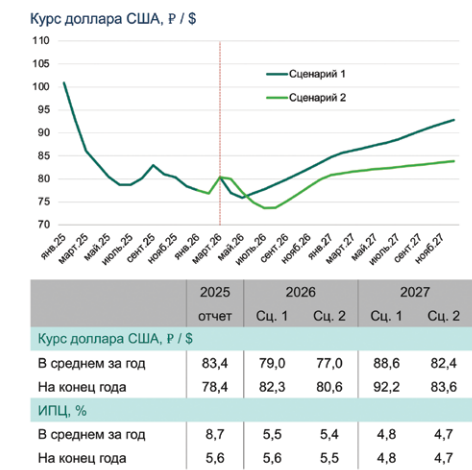
Рис. 11

с реализацией у наших аграриев. К тому же, обычно у нас в конце зимы и осенью резко дорожает плодоовощная продукция, а тут она не дорожала.

И это не из-за избытка внутреннего предложения продовольствия, а в результате того, что, мы пооткрывали рынок для китайцев, и у нас впервые за последние годы импорт продовольствия и сельхозтоваров (по «зеркальной статистике») превысил аграрный экспорт. Всё это давило на цены, что, конечно, способствовало снижению инфляции.

Мы, как говорят некоторые аграрии (не руководство Минсельхоза), являемся уникальной страной, потому что в приоритетах аграрной политики в любой стране — продовольственная безопасность (с этим у нас более-менее всё нормально) и доходы аграриев. Однако у нас главный вопрос — чтобы цены не росли. Какой ценой и что будет с аграрным сектором, обсуждается во вторую или третью очередь.

Рубль может оказаться крепче, а инфляция — ниже

- Сценарий 1
- Российский рубль в течение 2026 года будет оставаться относительно стабильным. Укрепление рубля из-за роста экспорта будет сдерживаться за счет перехода к покупке валюты для ФНБ, а также роста оттока капитала
  - В 2027 году рубль начнет ослабляться на фоне снижения стоимости экспорта из-за сокращения физических объемов и цен экспорта продукции ТЭК
  - Инфляция: рост в 2026 году за счет продовольственных товаров и топлива. Мировой рост цен на продовольствие будет связан с ростом цен на топливо и удобрения, а также с удорожанием морской логистики. В дополнение ожидается более высокая динамика цен на бензин на внутреннем рынке в связи с ростом цен на нефть
- Сценарий 2
- Рубль продолжит укрепляться в 2026 году на фоне более существенного роста экспорта
  - Более крепкий рубль приведет к снижению инфляции, несмотря на некоторое дополнительное увеличение цен на продовольствие и бензин
- Пределы снижения курса эффективные для экономики и допустимые инфляционные последствия

Рис. 12

Что касается курса рубля, то, похоже, он не устраивает никого, кроме Центрального банка, так как помогает уменьшать инфляцию (рис. 12). Ближайшие годы мы будем жить с крепким курсом рубля, даже при умеренном понижении цен на нефть. Торговое сальдо остаётся высоким и спрос на валюту — ограниченным. Для бюджета и для увеличения доходов экспортеров и их спроса на внутренние товары и услуги необходимо снижение курса. Я согласен с позицией коллег из Института народнохозяйственного прогнозирования, что не должно быть резкого снижения курса, потому что тогда мы получим существенный инфляционный эффект. Нормальная коррекция — 10–15-процентная девальвация.

Доходы населения благодаря СВО значительно выросли в реальном выражении после стагнации с 2014 по 2020 годы (рис. 13). Однако торможение экономики и обострившиеся бюджетные проблемы привели к торможению роста и доходов населения. Мы оцениваем рост реальных располагаемых доходов в текущем году в 0,6%, при этом уровень неравенства перестал снижаться (что показывает и коэффициент Джини²). Хотя рост реальной заработной платы замедлился, она всё равно поднимает доходы вверх (за исключением заработных плат бюджетников, которые отстают), как и высокие проценты по депозитам. Основной фактор торможения — низкие пенсии, отставание которых от заработной платы постоянно увеличивается, а также доходы малого и среднего бизнеса (хотя их полную картину можно будет увидеть только через год).

После продолжительного активного роста реальных доходов ожидается период их торможения, что в условиях высокой, хотя и снижающейся, нормы сбережений негативно скажется на потребительском спросе

Рис. 13

Формируется ситуация, которая в чём-то напоминает навес сбережений населения в конце 80-х годов в Советском Союзе. Тогда высокие сбережения населения не получали достаточного предложения потребительских товаров, несмотря на значительные объёмы импорта потребительских товаров, что вело к усилению дефицита и росту цен. Потенциально это может также привести к существенному усилению инфляции при снижении процентных ставок. Однако есть и альтернативные пути — это всё же существенное увеличение предложения потребительских товаров, и не столько за счёт импорта,

² Коэффициент Джини — макроэкономический показатель, измеряющий уровень социального расслоения и неравенства в распределении доходов или богатства среди населения.

сколько внутреннего производства. Сделать то, что не удалось во времена Советского Союза. Проблема в том, что, кроме продовольственных товаров и автомобилей (преимущественно импортных), наша экономика пока мало что может предложить потребителю. В производство товаров длительного пользования как раз и надо привлекать иностранные инвестиции и стимулировать создание совместных предприятий. Это дало бы мощный импульс экономике и сдержит рост цен.

С другой стороны, это восстановления ипотеки — рыночной, но по доступным процентным ставкам и ценам. Понятно, что нельзя вернуться к масштабной льготной ипотеке, которая достигала 70% в 2023–2025 годы. Для подъёма ипотечного рынка необходимо не только существенное снижение кредитных ставок, но перелом многолетней тенденции снижения доступности жилья (ухудшения соотношения доходов населения и стоимости одного квадратного метра). Доступность жилья — это достаточно серьёзный вызов и путь, чтобы деньги населения могли инвестироваться, не оказывая серьёзного инфляционного воздействия.

Здесь, не буду останавливаться, представлены разные макропоказатели (рис. 14).

Динамика отдельных макропоказателей по сценариям

Показатель, % г/г, если не указано иное	отчет 2025	Сценарий 1		Сценарий 2	
		2026	2027	2026	2027
Цена на нефть Urals, \$ / баррель	56	68	48	83	72
ВВП	1,0	0,3	1,7	0,6	2,0
Инвестиции	-2,3	-2,5	2,5	-1,7	2,9
Потребление домохозяйств	3,4	2,0	2,8	2,3	3,0
Промышленное производство	1,3	0,8	0,6	1,1	1,0
Добыча полезных ископаемых	-1,6	0,7	-1,4	4,6	-0,2
Среднегодовая инфляция, %	8,7	5,5	4,8	5,4	4,7
Среднегодовой курс доллара США, р / \$	83,4	79,0	88,6	77,0	82,4
Экспорт, млрд \$	422	498	414	566	502
Импорт, млрд \$	305	320	314	342	343

- Экспорт вырастет по сравнению с 2025 годом в результате роста цен на энергетические товары и увеличения физических объемов поставок нефти и газа из России в рамках частичного замещения экспорта стран Персидского залива
- Существенное укрепление рубля на фоне роста экспорта будет сдерживаться за счет перехода к покупке валюты для ФНБ, а также роста оттока капитала
- Повышение доходов от экспорта будет способствовать более высокому росту внутреннего спроса
- Рост ВВП может составить в сценарии 1 0,3% в 2026 году и 1,7% в 2027 году, а в сценарии 2 — 0,6 и 2,0% соответственно

Рис. 14

В целом конфликт в Заливе придал российской экономике дополнительное дыхание, улучшил как показатели реального сектора, так и бюджета, однако положительный эффект для реального сектора будет небольшим (рис. 15). При этом основные риски и проблемы, смягчённые в текущем году, не исчезнут и проявятся с новой силой в следующем году, особенно при продолжении жёсткой денежно-кредитной политики, дополненной ужесточением бюджетной политики.

Дополнительные экспортные доходы уменьшат дефицит бюджета, позволят пополнить ФНБ и увеличат внутренний спрос, но в то же время вырастет отток капитала. Суммарный эффект будет краткосрочным и ограниченным

+XX - изменение показателей по сценариям в 2026 году относительно 2025 года

	2025 отчет	2026	
		Сценарий 1	Сценарий 2
Экспорт товаров	422	+75* ↓ 498	+140* ↓ 566
Счет текущих операций	43	+55* ↓ 100	+110* ↓ 151
Отток капитала	57	+30* ↓ 90	+50* ↓ 105
Изменение резервов	-19	+25* ↓ 7	+60* ↓ 40

- Повышение цен на нефть и газ существенно увеличит объемы экспорта. Это приведет к повышению профицита счета текущих операций платежного баланса
- После продажи валюты в 2022-2025 годах Минфин России вновь перейдет к ее покупке в 2026 году благодаря дополнительным нефтегазовым доходам
- Часть экспортных доходов увеличит отток капитала
- Пополнение ФНБ вместе с повышением оттока капитала будут сдерживать рубль от более существенного укрепления в 2026 году на фоне роста экспорта

* Значения округлены

Рис. 15

Ближневосточный конфликт принёс в бюджет (принесёт по итогам года), как я уже сказал, около 2-2,5 триллионов. (Рис. 16.) Но возникает вопрос: что с расходами? Минфин фактически уже начал секвестр бюджета. Возможно, расходы будут срезаны на 600 млрд, но, возможно, и на 1 трлн, по сравнению с законом о бюджете на 2026 год. В условиях пониженных цен на нефть и газ и снижения объёмов экспорта углеводородов,

Ближневосточный конфликт принесет бюджету дополнительные нефтегазовые доходы в 2026 году. Несмотря на это, ожидается сокращение отдельных расходов

Показатель	2025	2026			2027		
		С. 1	С. 2	426-ФЗ	С. 1	С. 2	426-ФЗ
трлн руб.							
Доходы	37,3	40,3	41,4	40,3	39,6	42,1	42,9
Нефтегазовые	8,5	9,1	10,7	8,9	6,8	9,3	9,1
Ненефтегазовые	28,8	31,1	30,8	31,4	32,8	32,8	33,9
Расходы	42,9	43,3	44,1	44,1	44,0	46,1	46,1
Дефицит (-)	-5,6	-3,0	-2,7	-3,8	-4,4	-4,0	-3,2
% ВВП*							
Доходы	17,4	17,4	17,7	17,1	16,3	17,2	16,8
Нефтегазовые	4,0	3,9	4,6	3,8	2,8	3,8	3,5
Ненефтегазовые	13,4	13,4	13,1	13,3	13,5	13,4	13,3
Расходы	20,0	18,7	18,8	18,7	18,1	18,8	18,0
Дефицит (-)	-2,6	-1,3	-1,2	-1,6	-1,8	-1,6	-1,2

2026 год

- За счет повышения цены нефти и газа нефтегазовые доходы федерального бюджета будут выше, чем запланировано в законе о бюджете
- Ненефтегазовые доходы прогнозируются ниже, чем в законе о бюджете, главным образом, за счет более низкой экономической динамики и более крепкого рубля
- В сценарии 1 Предполагается снижение общего уровня расходов на 0,8 трлн рублей от уровня закона о бюджете, однако это предполагает их существенное перераспределение, которое учитывает сокращение расходов (кроме оборонных и социальных) на 2,2 трлн рублей
- В сценарии 2 расходы остаются на уровне закона о бюджете

2027 год

- В сценарии 1 существенное снижение цены на нефть и более крепкий рубль приведут к падению нефтегазовых доходов по сравнению с законом о бюджете. Ненефтегазовые доходы также не восстановятся до уровня закона о бюджете из-за низкой экономической динамики
- В сценарии 2 нефтегазовые доходы прогнозируются выше, чем в законе о бюджете благодаря более высокой цене на нефть. Ненефтегазовые доходы прогнозируются ниже закона о бюджете
- В сценарии 1 расходы (кроме оборонных и социальных) сокращаются на 2,8 трлн руб.**
- В сценарии 2 расходы остаются на уровне закона о бюджете

* Использованы оценки ВВП в 2026-2027 годах: С. 1 и С. 2 – прогноз Института ВЭФ, 426-ФЗ – базовый прогноз МЭР России

** Значительное снижение расходов обусловлено, главным образом, более крепким рублем в сценарии 1 по сравнению с законом о бюджете. В этой связи для достижения расходов на уровне закона о бюджете в текущих условиях требуется более высокая базовая цена на нефть. Например, в сценарии 1 для обеспечения в 2027 году уровня расходов, соответствующему закону о бюджете, базовая цена на нефть должна составить \$77/барр. по сравнению с \$58/барр. в законе о бюджете

Рис. 16

а также более медленных темпов роста экономики корректировка в среднесрочной перспективе доходов бюджета вниз, по-видимому, неизбежна. В то же время при увеличенных оборонных расходах возникает угроза значительного сокращения расходов развития (на науку, образование, инфраструктуру), включая и уменьшение расходов на национальные проекты.

Где-то такая оптимизация необходима, так как сроки реализации многих проектов сдвигаются вправо. Одновременно возникает риск усиления разбалансированности экономики и экономии прежде всего на инвестициях в будущее. По-видимому, надо признать неизбежность более высоких дефицитов, а значит, и сильной потребности не только бизнеса, но и бюджета в снижении процентных ставок. Фактически в условиях затянувшейся СВО и торможения экономики нужна новая конструкция бюджета, но при этом сам бюджет не должен вместо импульса превратиться в дополнительный тормоз развития экономики. Исчерпание или, точнее, ограниченность стимулирующей функции бюджета трудно компенсировать в сложившихся условиях расширением банковского кредита и рынка капитала.

Банковское кредитование замедляется, существенного ускорения роста в ближайшие годы не ожидается

Рис. 17

Несмотря на то, что банковское кредитование в последние месяцы оживилось и его темпы в текущем году превысят показатели 2025 года, они, как и в прошедшем году, остаются почти вдвое ниже, чем в 2023-2024 годах, которые характеризовались высокими темпами экономического роста (рис. 17). По-видимому, условия для появления мощного кредитного импульса могут появиться только в 2029—2030 годах, когда реальная процентная ставка опустится до 1-1,5%.

При продолжении СВО, антироссийских санкций и достаточно жёсткой денежно-кредитной, а в перспективе и жёсткой бюджетной политики российская экономика вряд ли сможет выйти на темпы роста выше 2-2,5% в год, что будет уступать темам роста мировой экономики. С учётом риска новой волны ужесточения санкций по примеру конца 2025 года и нарастающих потерь от ударов ВСУ по промышленным объектам и транспортной инфраструктуре темп роста ВВП в 2027 году может не превысить 1-1,5%.

Среднесрочный прогноз ключевых показателей (сценарий 1)

Показатель, % г/г, если не указано иное	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
			отчет					прогноз		
Цена на нефть Urals, \$ / баррель	69	78	63	68	56	68	48	49	54	57
ВВП	5,9	-1,4	4,1	4,9	1,0	0,3	1,7	2,5	2,3	2,4
Инвестиции	8,6	6,7	9,8	8,4	-2,3	-2,5	2,5	5,7	4,8	4,0
Розничный товарооборот	7,8	-6,5	8,0	7,7	4,1	2,0	3,1	3,1	3,2	3,5
Платные услуги	17,2	5,0	6,9	4,3	2,8	2,0	3,0	3,0	3,2	3,4
Реальная заработная плата	4,5	0,3	8,2	9,7	4,4	3,7	3,4	2,5	2,5	2,3
Реальные располагаемые доходы населения	3,3	4,5	6,1	8,2	7,4	0,6	2,0	2,2	2,3	2,5
Инфляция, % на конец года	8,4	11,9	7,4	9,5	5,6	5,6	4,8	4,3	4,2	4,1
Ключевая ставка Банка России, % на конец года	8,5	7,5	16,0	21,0	16,0	13,0	8,0	6,0	5,5	5,0
Среднегодовой курс доллара США, Р / \$	73,6	67,5	84,7	92,4	83,4	79,0	88,6	94,1	94,3	94,7
Экспорт, млрд \$	494	592	425	434	422	498	414	415	427	438
Импорт, млрд \$	301	277	303	302	305	320	314	326	341	356

Рис. 18

В этой таблице просто ряд ключевых показателей (рис. 18).

Положительный эффект от роста цен на нефть исчерпает себя уже к 2028 году. В этой связи уже сейчас необходимы к принятию дополнительные меры по стимулированию экономического роста и повышению устойчивости бюджета

Переход к стимулирующей ДКП, предполагает активное снижение ключевой ставки уже в текущем году до 1,5-2% в реальном выражении
Мягкая денежно-кредитная политика будет способствовать стимулированию спроса (как инвестиционного, так и потребительского) и улучшению условий ведения бизнеса (финансирование текущей деятельности), а также ограничению роста процентных расходов бюджета и снижению нагрузки по субсидированию процентных ставок. Кроме того, при снижении ставки ожидается ослабление рубля, которое приведет к росту прибыли экспортеров и доходов бюджета от внешнеэкономической деятельности. Это позволит отказаться от сокращения бюджетных расходов в 2026-2028 годах

Докапитализация институтов развития за счет депозитов (или субордов) Банка России
За счет долгосрочных кредитов институтов развития (включая ПСБ как опорный банк ОПК) целесообразно провести финансовое оздоровление ключевых компаний (ОАК, ОСК, Роскосмоса, РЖД), что позволит расширить их производственную деятельность. При докапитализации институтов развития на 0,8-1 трлн рублей потенциальный среднегодовой рост ВВП в среднесрочной перспективе за счет дополнительных инвестиций может составить до 0,4-0,8 п.п.

Направление части избыточных национальных сбережений в форме ЗВР на увеличение критического импорта и зарубежные инвестиции, обеспечивающие рост российского экспорта и импорт технологий
Объем избыточных национальных сбережений в форме ЗВР оценивается в \$30-320 млрд (в зависимости от используемого критерия достаточности резервов). Эти средства могут предоставляться в иностранной валюте на возвратной и платной основе по льготным ставкам через институты развития и банковскую систему. Дополнительные выдачи банковских кредитов могут составить 3-5 трлн руб. Это обеспечит темп роста корпоративного кредитования на уровне 17-19% в 2026 году (+5-8 п.п. по сравнению с вариантом роста кредитного портфеля без учета использования ЗВР). Это позволит ускорить рост ВВП дополнительно на 0,8-1,2 п.п. в год и выйти на траекторию роста, обеспечивающую достижение национальных целей развития

Урегулирование системы неплатежей, включая конверсию части банковской, дебиторской и кредиторской задолженности в государственный долг
Например, путем точечной реструктуризации части задолженности ведущих системообразующих компаний и задолженности Министерства обороны

Рис. 19

В то же время в российской экономике есть значительный потенциал ускорения роста при условии существенной перестройки денежно-кредитной политики.

Стимулирующая денежно-кредитная политика включает в себя снижение процентной ставки до уровня доступного для большинства бизнеса, докапитализации институтов развития и поддержки ими инвестиций, использование золотовалютных резервов на цели развития (рис. 19). Сейчас процентная ставка в России в реальном выражении одна из самых высоких в мире (8–9%). Мы делим вместе с Бразилией то первое, то второе место. Однако Бразилия не находится под санкциями и не участвует в военном конфликте. Для примера: когда Соединённые Штаты воевали в Корее, у них была нулевая или даже минусовая реальная процентная ставка. Во время войны во Вьетнаме — 1-1,5%. Причём уровень оборонных расходов был сопоставим, а в Корее формально выше, чем у нас.

Наша денежно-кредитная политика уникальна: мы воюем, тратим кучу денег на оборону, зажимаем экономику, особенно гражданскую, дороговизной денег — и других исторических примеров такой политики в военное время нет.

У нас достаточно большой рост неплатежей, причём не вся картина неплатежей у нас показана в статистике, потому что неплатежи Минобороны там не фигурируют. И с этим надо что-то делать — либо превращать это в госдолг, особенно в части долгов Минобороны, либо компенсировать смягчением денежно-кредитной политики. Сейчас неплатежи по всей цепочке контрактации становятся серьёзным барьером экономического роста.

Рис.20

Снижение процентной ставки имело бы ограниченный инфляционный эффект, но могло бы значительно активировать экономический рост в краткосрочном горизонте и способствовало бы нормализации валютного курса (рис. 20). А главное — дало бы глоток воздуха для рыночных секторов российской экономики, малого и среднего бизнеса, которые лишь в малой степени пользуются банковским кредитом.

Второй путь стимулирования инвестиций и экономического роста в целом — это докапитализация институтов развития (рис. 21). Мы реально шли на эту меру во время кризиса 2008 года, что дало серьёзный позитивный эффект. Мы частично это делали не через докапитализацию, а через поручительство в 2020-м, ковидном, году, чтобы оно поддержало кредитование и малого, и среднего бизнеса, и занятость. Сейчас Центральный банк упорно не хочет ничего делать и исходит из того, что у нас перегрев экономики, рабочих мест нет. И пока нет большой безработицы, ничего стимулирующего делать не надо.

Без мощных институтов развития невозможно в российских условиях, особенно в условиях санкций и блокады доступа к мировым рынкам капитала, создать источник так называемых «длинных денег». Кроме того, институты развития выступают как инструменты квазирыночной экономики, кредитуют и инвестируют в проекты, которые выходят по своим рискам и прибыльности за параметры коммерческих банков и финансового рынка.

Дефицит финансовых источников для нацпроектов мог бы быть частично компенсирован целевыми кредитами институтов развития при их докапитализации за счёт ресурсов Банка России. При докапитализации институтов

Рис.21

развития хотя бы на 0,8–1 трлн рублей в год потенциальный среднегодовой рост ВВП за счёт дополнительных инвестиций может составить до 0,4–0,8 пункта в год в среднесрочной перспективе.

Мировой опыт развития Японии, Южной Кореи, Китая и Бразилии демонстрирует эффективность таких институтов для решения задач развития и создания новых сфер деятельности. Однако в российских условиях они так и не приобрели значимой роли.

Третий источник развития со стороны денежно-кредитной сферы — это использование золотовалютных резервов (рис. 22). Этот инструмент предлагали эксперты Столыпинского клуба, но это табу для Центрального банка. На самом деле, мы частично делали это в 2008 году, когда Банк России давал валютные депозиты ряду ключевых компаний, чтобы они покрыли первоочередные платежи по внешним долгам. И они даже не полностью были использованы, но это всё можно делать. Но нынешний ЦБ этого не хочет делать принципиально.

Использование золотовалютных резервов может быть, по нашим оценкам, мощным стимулом для увеличения экспорта и необходимого импорта, а значит и для ВВП в целом. Предположим, что мы используем 110 млрд из ЗВР за пять лет. Вроде бы огромная сумма. У нас золотовалютных резервов на начало года было 752 млрд, но 300 из них заморожены и вряд ли мы их когда-нибудь увидим. Имеющиеся 452 при таком торговом балансе мы за следующие несколько лет увеличим ещё миллиардов на 100. При этом есть целый набор международных критериев — покрытие от трёх месяцев импорта до платежей по краткосрочному долгу, долгосрочному долгу. По этим критериям,

Часть избыточных золотовалютных резервов может быть использована для наращивания инвестиционного импорта

Рис.22

для того чтобы обеспечить устойчивость и производственной системы, и банковской, нам надо от 70–80 до максимум 300 млрд долларов. Мы потенциально могли бы использовать для развития, то есть для трансформации национальных сбережений в экономический рост, очень большие неработающие сейчас ресурсы.

Вообще говоря, Советский Союз этим занимался в 1930-е годы, продавая картины, художественные ценности, зерно. Этим занимались и другие страны. Но мы опять же исходим из того, что пусть всё лежит как страховка на «черный день», тратить мы это не будем, возможно, этот «черный день» тем самым и приближаем.

Первым направлением их использования могла бы стать скоординированная покупка критического импорта, в том числе инвестиционного, включая комплектную поставку оборудования (хотя это крайне затруднено санкциями). Без увеличения инвестиционного импорта невозможно обеспечить рост инвестиций, так как до половины инвестиций в машины и оборудование обеспечивается импортом, и эта ситуация кардинально не изменится, несмотря на самые оптимистичные планы импортозамещения.

С другой стороны, мы постоянно акцентируем важность экспорта — есть соответствующий национальный проект, правда, его показатели хронически не выполняются. Это оценка возможности увеличения экспорта, потому что несырьевой экспорт у нас небольшой (рис. 23). Кроме атомной сферы мы практически не осуществили за последние годы ни одного комплексного проекта, хотя к нам многократно обращаются, так как страны хотят иметь альтернативу китайцам — это и проекты железных дорог, и строительство портовых

Другое направление использования золотовалютных резервов — поддержка российского экспорта

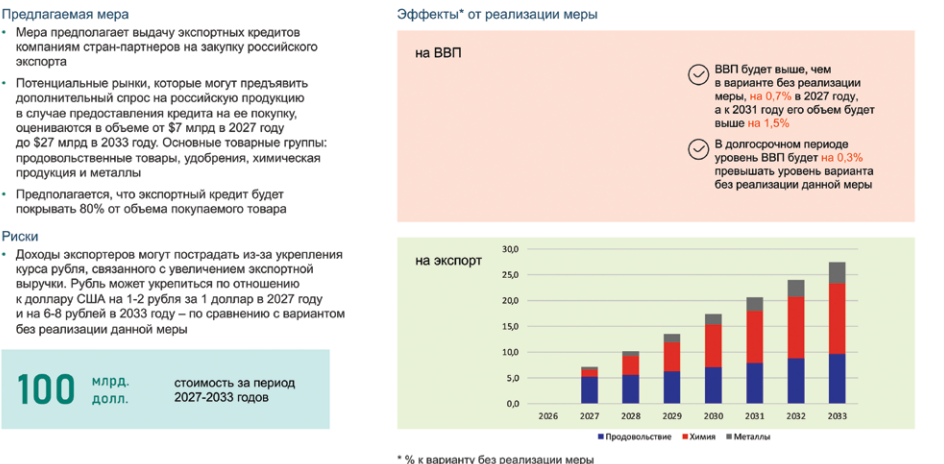

Рис.23

терминалов. Однако у нас нет денег. Мы могли бы с помощью золотовалютных резервов, переданных компаниям, осуществляющим экспортные проекты, или странам-импортёрам этих проектов, значительно увеличить наш экспорт и влияние.

Понятно, что есть вопросы поважнее макроэкономического равновесия и направленности денежно-кредитной и бюджетной политики. Это и вопросы технологического развития страны, её научно-технологического потенциала, структурной и пространственной разбалансированности, экологии. И, конечно, вопрос состояния народонаселения (рождаемости, смертности, половозрастной структуры населения, миграции).

Рис. 24

Негативные демографические тенденции сокращения населения, повышения смертности, снижения рождаемости значительно ухудшились за последние годы (рис. 24). При сложившихся тенденциях население сокращается и будет сокращаться — в первую очередь в Европейской России, Поволжье, Центральной Сибири, на Дальнем Востоке. Кавказ, как и отдельные регионы Восточной Сибири увеличивают население. Переломить эти тенденции только за счёт стимулирования рождаемости не получается. Как это признано уже и в правительственных документах, необходимо увеличивать возраст активной работоспособной жизни, а также найти сбалансированный вариант миграции.

Можно надеяться, что подарок прошлой переписи населения может повториться. В результате прошлой переписи населения «нашлось» 1,5 млн человек, которых не было ни по каким нашим оценкам рождаемости, смертности

и миграции. Видимо, надо провести следующую перепись — она планируется на 2030 год, если её из-за недостатка денег не проведут, — может, мы ещё найдём миллион-полтора. Кроме того, в новых субъектах России — в республиках ДНР, ЛНР, в Запорожье, Херсоне — проживает около 5,5 млн человек (до СВО проживало 11 млн). Думаю, что мы их через какое-то время начнём учитывать в составе населения России.

Да, бедность у нас снижается (рис. 25). Но что надо понимать — дифференциация между самыми бедными регионами и самыми богатыми фактически не уменьшается, а нарастает. Разрыв между Ингушетией с Питером и Москвой, на самом деле, увеличивается.

Рис. 25

К тому же, проблема бедности не в том, кто является бедным (по нашему критерию ниже прожиточного минимума), а в том, что у нас огромная часть населения относится к так называемым малообеспеченным (рис. 26). Если брать население с одним-тремя прожиточными минимумами, то это составит примерно 30% с лишним, почти 40%. По опросам ЦБ, люди, которым хватает на еду, но не хватает на одежду и прочее, — это тоже 30% с лишним населения. Рождение ребёнка, когда женщина не работает (прекращает работу), означает, что они автоматически переходят в бедные. У нас 40% бедных — это дети, несмотря на все, так сказать, выплаты и материнский капитал.

Что здесь видно? У нас был пик в 2013 году, допустим, по педагогическим работникам. Зарплата учителя в школе должна быть на уровне средней по региону. При этом регионы, как я уже сказал, сильно разные. В высшем образовании у профессора, доцента — две средние зарплаты. Пик в 2013 году, но

Оценка уровня оплаты труда в видах экономической деятельности общественного сектора в последние годы демонстрирует ухудшение позиций данных категорий работников по отношению к другим секторам экономики и усиление региональной дифференциации.

Соотношение заработной платы отдельных категорий работников и ВЭД и средней заработной платы в экономике, %										
	2013	2018	2023	2025 (оценка)		2013	2018	2023	2025	
Педагогические работники дошкольного образования	78,4	72,4	64,4	62,2	Образование дошкольное	60,4	57,5	52,0	51,0	
Педагогические работники общего образования	97,5	87,9	74,3	72,1	Образование общее	75,0	76,1	70,9	68,8	
Педагогические работники СПО	84,4	83,6	73,4	72,1	Образование среднее профессиональное	79,2	77,6	73,8	71,1	
Педагогические работники ВПО	135,7	188,7	166,9	162,9	Образование высшее	106,3	130,6	126,1	120,6	
Научные сотрудники	139,7	228,9	196,4	188,4	Деятельность в области здравоохранения	85,9	94,6	85,3	84,0	
Врачи	141,8	171,5	151,8	140,9						
Средний медперсонал	80,9	84,5	73,1	76,1	Научные исследования и разработки	161,3	173,6	161,4	154,8	
Младший медперсонал	48,0	78,3	63,6	51,4						
Региональная дифференциация в уровне заработной платы (по видам деятельности), раз					Уровень заработной платы педагогического персонала и врачей в странах ОЭСР, долл. по ППС, 2022-2024					
	2013	2018	2023	2025		Россия, 2025**	Венгрия	Германия	Франция	Чехия
Образование дошкольное	3,4	2,7	3,3	3,2	Дошкольное образование	2112	3068	-	4441	2789
Образование общее	2,8	3,0	3,2	3,4	Общее образование*	2450	3250	8403	4870	3514
Образование среднее профессиональное	2,7	2,9	3,1	3,3						
Образование высшее	4,6	2,9	2,7	2,7	Врачи*	4786	9553 / 12700	- / 17254	- / 9610	5840 / 7163
Деятельность в области здравоохранения	2,7	3,0	3,3	3,2						
Научные исследования и разработки	4,2	5,0	9,1	8,1						
					* Для стран ОЭСР – основное общее образование и врачи общей практики / специалисты					
					** Оценка					

Рис.26

уже к 2018 году — показатели здесь, правда, расчётно-оценочные — ситуация стала ухудшаться. Произошёл откат назад. Когда зарплаты стали быстро расти в промышленности благодаря оборонке, у местных бюджетов и у федералов на это денег не было, то, естественно, все показатели, в первую очередь по педагогическим работникам, по школам, резко ухудшились и всё откатилось назад.

На самом деле, когда мы вводили указы в 2012 году, цифры были похуже, но сейчас уже они где-то хуже 2013 года, где-то равны или примерно такие же. То есть во всём этом движении мы, по сути дела, откатились на 13 лет назад. Как вы видите, и по врачам, особенно по младшему и среднему медперсоналу. То есть, по сути, возник огромный накопленный долг, связанный с урегулированием зарплат в бюджетной сфере, который после окончания СВО придётся рано или поздно начинать решать. При этом разрыв в зарплатах у нас и за рубежом — мы здесь и раньше-то не были в лидерах — только увеличивается. Поэтому, если границы откроются, то мы можем потерять, как это произошло в Прибалтике, значительную часть врачей, учителей и медицинских работников. Надеяться только на чувство долга и служения нельзя, необходимо выплачивать конкурентоспособные зарплаты и создавать условия для самореализации лучше, чем зарубежом.

Про дополнительные меры демографической и социальной политики я говорить не буду, это отражено в таблице (рис. 27).

Подытоживая вопрос вызовов и ответов на них России, — не знаю, как будет выглядеть мир, но вот два наиболее вероятных сценария (рис. 28).

Дополнительные меры демографической и социальной политики

Направления	Потенциальные дополнительные меры	Стоимость мер, млрд. руб.	Результаты
Демографическая и семейная политика	• Введение маткапитала на всех детей, независимо от очередности рождения	• Период: 2030-2035 гг. • Сумма: 6,2 трлн руб.	• Гос. расходы на семейную политику к ВВП повысятся до 2,5% к 2036 г. и сохранятся на этом уровне до 2050 г. (Франция – 2,6%) • СКР превысит 1,8 к 2050 г. • Численность населения составит 151,7 млн. чел. к 2050 г.
	• Маткапитал на второго ребенка и всех последующих детей постепенно приравнивается к величине, выплачиваемой на первого, в дальнейшем предусматривается прогрессивная шкала выплат		
	• Региональная дифференциация маткапитала: использование повышающих коэффициентов в регионах с неблагоприятными климатическими условиями		
	• Увеличение налоговых вычетов на детей до величины ПМ ребенка		
МРОТ и прожиточный минимум (ПМ)	• ПМ доводится к 2033 году до стоимости фиксированного набора товаров и услуг (на декабрь 2025 года он превышал ПМ в 1,5 раза), далее индексируется ускоренным по отношению к уровню инфляции темпом	• Период 2030-2035 гг. • Сумма: 6,8 трлн руб., в т.ч. за счет роста размера выплат в рамках семейной политики	• Дополнительное снижение уровня бедности на 0,2 п.п. к 2035 г
	• Темп роста МРОТ опережает темп роста ПМ		
Заработная плата работников сферы развития человеческого капитала (в т.ч. указы-2012 г.)	• Первоочередное снижение дифференциации регионов за счет постепенного введения с 2031 года общероссийского стандарта для всех территорий	• Период: 2030-2034 гг. • Сумма: 5,3 трлн руб.	• Снижение регионального неравенства в уровне оплаты труда с текущих 3,5-3,8 раз до 1,7-1,8 раз к 2035 г. с дальнейшим снижением до 1,5 раз • Повышение привлекательности профессий за счет роста соотношения зарплат со средней по экономике
	• После 2035 года – ориентир на соотношения зарплат, сложившиеся в развитых странах		
Пенсии	• Индексация проводится с темпом, превышающим темп роста зарплат	• Период: 2030-2035 • Сумма: 28,4 трлн руб.	• Рост коэффициента замещения с текущего уровня в 23% средней зарплаты до 33% к 2035 г.
Реабилитация участников СВО и их адаптация на рынке труда	• Предоставление специальных выплат на уровне средней зарплаты в течение первых 6 мес. после демобилизации	• Период: 2028-2030 • Сумма: 0,3 трлн руб. + 0,02 трлн руб. на обучение	• Прирост численности гражданской рабочей силы (БТР) на 0,2 п.п.
	• Предоставление льготных кредитов для осуществления предпринимательской деятельности		
	• Реализация доп. программ проф. переподготовки (сроком до 6 мес.)		

Рис.27

Это сценарий «Холодная война 2.0» — она не будет похожа на то, что было в 1960-е и 1970-е годы, потому что таких двух блоков нет. С другой стороны, степень блокады и санкций против нас намного жёстче, чем всё, что было во времена Холодной войны в 1960-е и 1970-е годы.

Экономика Конфронтации или Надежды. Какой мир нарождается?

1. Новая «холодная война 2.0»
- Торможение темпов роста мировой экономики
  - Торговые войны
  - Милитаризация
  - Монополизация технологий и активное использование ИИ для военных целей и контроля за гражданами
  - Нерешенность вопросов устойчивого развития
  - Готовность России к затяжному конфликту к Западом (вкл череду эскалаций и пауз). Необходимость частично мобилизационной многосекторной экономики и иной политики, Сколько выдержим острую и вялую конфронтацию?
2. Новая «разрядка 2.0» или «концерт ответственных держав»
- Повышенные темпов роста мировой экономики и уменьшение неравенства
  - Сбалансированная торговая конкуренция и восстановление механизма ВТО
  - Технологии и ИИ с приматом доступности и этических норм и ценностей
  - Полицентричная валютная система
  - Преодоление голода в мире и движение к достижению целей устойчивого развития
  - Россия как пример модели устойчивого развития и позитивных глобальных инициатив

Рис.28

Для мировой экономики — это, скорее, торможение темпов роста, милитаризация, серьёзные барьеры для распространения технологий. Мы это видим по решениям и в части доступности технологий для Китая, Индии, про нас я уже не говорю. Про цели устойчивого развития — ковид уже привёл к тому, что было понятно, что к 2030 году мир их не выполнит, но сейчас ситуация будет ещё хуже.

Вопрос: а мы-то как? Де-факто всё равно затяжной конфликт с Западом, неважно, где мы будем обмениваться разного рода ударами и когда закончится их активная фаза. Я бы сказал так: это всё равно означает, что у нас будет многосекторная, частично мобилизационная экономика, потому что военный комплекс будет большим, ограничения для гражданских отраслей, да и для населения тоже будут сохраняться. Но возникает вопрос: насколько мы выдержим такую более острую или более вялую конфронтацию? На мой взгляд, в рамках проводимой макроэкономической политики, которая ориентируется на подавление инфляции путём сверхвысокой процентной ставки и возврат к бюджетному правилу, мы не выдержим противостояния. Экономика встанет, и общество вряд ли это примет.

И всё-таки рано или поздно холодная война завершается разрядкой, можно назвать её «Разрядка 2.0», или «концерт ответственных держав». «Концерт» — по аналогии с «концертом держав» после наполеоновских войн в XIX веке. Правда, монархии и империи худо или бедно обеспечивали мир и сдерживали революции, но потом он рухнул.

Здесь, по нашей оценке, и не только по нашей, темпы роста будут выше, где-то ближе к 3% ВВП. В первом сценарии — около 2-2,5%

Определённое восстановление механизма ВТО, большая доступность технологий. В принципе, проблему голода в мире можно решить, её и сейчас можно решить — это вопрос больше не наличия продовольствия, а его распределения. Хочется надеяться, что мы здесь тоже выступим как пример такой модели устойчивого развития и сможем реализовывать определённые позитивные глобальные инициативы, какие сейчас тоже обсуждаются, — энергетическую, продовольственную, космическую. Поэтому хотелось бы закончить своё выступление на этой оптимистической ноте. Спасибо!

А.Н. Привалов

Спасибо большое, Андрей Николаевич. Оптимистичность последней ноты достаточно ограничена. Ну, действительно, и темпы ограничены, и запасы ограничены — так и оптимистичность последней ноты достаточно ограничена, это понятно. Большое спасибо!

Было чрезвычайно интересно, и не только потому, что мы живём в чрезвычайно интересное время, но и потому, что мы слышали о текущем положении дел много и концентрированно.

Сейчас перейдём к вопросам. Я на правах ведущего задам вопрос, который, несомненно, вертится на языке у всех. Табу Центрального банка в какой степени написано на скрижалях завета? Такое ощущение, что мы живём в какой-то тоталитарной секте: вот есть некое верование, супротив которого не моги вякнуть, которое не обращает никакого внимания на текущее положение дел. Ну, вот мы верим так — и трава не расти. В какой степени это неизменная ситуация? В какой степени это дано навек, а в какой, может быть, когда-нибудь изменится?

А.Н. Клепач

Я уже приводил примеры предыдущего руководства Центрального банка в 2008 году — Сергей Михайлович Игнатьев, Улюкаев, которых никто не обвинит в дирижизме. Это люди последовательно либеральных и монетаристских взглядов, но они смотрели на реальное положение дел в реальном секторе экономики и, в общем, принимали те меры и шаги, которые реально помогли уменьшить потери в кризис 2008–2009 годов и, главное, обеспечить рост экономики в 2010 году.

Нынешнее руководство Центрального банка придерживается других взглядов, с моей точки зрения, просто догматических. Во-первых, это догма, связанная со снижением инфляции, игнорируя последствия для экономического роста и роли немонетарных факторов роста цен. Во-вторых, это политика, которая обеспечивает устойчивость банковской системы и высокие прибыли, даже если они бумажные. Я имею в виду, что реальный портфель плохой задолженности (ну, это всегда у банков) явно не тот, который показывает официальная статистика, хотя она тоже растёт. Потому что когда экономика тормозится или падает, то нельзя иметь хороший кредитный портфель. Его надо либо резко сокращать, но в любом случае останавливать.

Это политика, которая скорее ограничивает, а не стимулирует развитие банковского сектора. Как известно, официальная позиция ЦБ — надо было брать кредиты раньше, когда они были дешевле, а вместо кредита имитируйте акции, привлекайте капитал. Правда, хотелось бы найти того, кто в условиях спада или стагнации хочет выпускать акции. Ну, есть примеры, но они единичные. А передел и перераспределение собственности от плохих людей к хорошим мало имеет отношения к финансовому рынку. Рыночная оценка, допустим, аэропорта Домодедово, если я правильно помню, была где-то 500 с лишним миллиардов — передана за 50. Поэтому особого эффекта с точки зрения капитала для развития рынка и вообще Домодедово, я думаю, это не даст. Поэтому, пока не сменится руководство Центрального банка, ничего не изменится.

А.Н. Привалов

А на этот счёт... Впрочем, да, это не мой вопрос, понимаю. Ещё вопросы к докладчику, прошу вас.

Н.И. Иванова, руководитель научного направления отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН, академик РАН, доктор экономических наук, профессор

Н.И. Иванова

Андрей Николаевич, спасибо большое за такую широкую панораму проблем, я бы даже сказала, такого планового и постепенного решения проблем, которые накопились в нашей экономике и которые более-менее известны экономистам, но ваши оценки очень интересны. А вопросов у меня два, если позволите, но они оба короткие.

Первый вопрос. Вот эти накопившиеся проблемы, которые, конечно, сейчас поменялись, по сравнению с тем что было до СВО, — их много, но в общем ощущение такое, что критической среди них нет. Есть ли какая-то критическая точка, с вашей точки зрения, которая назревает и действительно может привести экономику к тяжёлой ситуации? Ну, например, инвестиции или бюджетные дефициты, потому что там действительно есть какие-то проблемы?

Второй вопрос. Вы говорили о том, что институты развития могут стать важным источником стимулирования экономического роста, если их правильно использовать, накачать деньгами и так далее. Вы работаете в институте развития, в ВЭБ, — можем ли мы говорить о том, что за предшествующие годы институты развития действительно были таким механизмом, который что-то изменил и поэтому мы можем на него надеяться? Есть такие примеры? Потому что в адрес этих институтов много критики, но там есть, конечно, много и какого-то специального. Вы действительно уверены, что это работающий механизм?

А.Н. Клепач

Критическая точка... Понимаете, что бы мы ни делали с нашей экономикой, она выживет. В этом смысле критической точки с точки зрения экономики нет. Но есть потери — инвестиции упали, никакого роста и тем более роста производительности, хотя производительность можно повысить определёнными организационными мерами, но это не панацея и имеет краткосрочный эффект. Проблема скорее в том, что мы отстаём. Мы проигрываем и технологическую, и экономическую конкуренцию в мире. Причём, я уже сказал, мы её проигрываем не только Китаю и США, мы в чём-то её проигрываем Украине, как бы это ни неприятно было и мне самому.

Экономика Украины, понятно, в какой-то части разрушена, демографическая катастрофа. Но, ещё раз, украинская экономика, несмотря ни на что, выживает. Конечно, там огромная финансовая помощь, без этого всё бы рухнуло. При такой помощи на военные расходы и их собственные расходы — это примерно почти 50% нашего бюджета. А если брать в целом всю помощь — это в разы больше, чем наш отток капитала. То есть мы финансируем мир, а мир финансирует Украину. Во всяком случае западный мир, недружественный.

Поэтому мы в этой в войне на истощение не выиграем конкуренцию. У нас есть иллюзия, что там всё рухнет. Не рухнуло и не рухнет. У нас нарастают издержки. У нас, по опросам населения, ухудшается ситуация со здравоохранением по качеству. У нас в научно-технологической сфере всё очень неравномерно. В какой-то сфере у нас есть результаты и прорыв, но в целом, на мой взгляд, мы проигрываем конкуренцию, а не выигрываем. Нарастают проблемы неравенства. После существенного снижения в 2023–2024 гг. сейчас пошло всё в обратную сторону.

По моему мнению, экономика выдержит, но может возникнуть социальный кризис, причём тогда, когда его никто особо не ожидает. Но никто не ожидал, я напомню, и Февральскую революцию. Ленин писал в декабре 1916 года о том, что «мы не доживём», но дожил уже через несколько месяцев. Ситуация в Союзе 1991 года — мы к ней шли долго и последовательно, и все понимали, что идём к кризису, но не было фатальной неизбежности в том, чтобы Союз распался.

Я верю, что Россия не развалится, но то, что мы придём к социальному кризису, я почти уверен. Экономически мы не рухнем, но и наше отставание будет нарастать со всеми вытекающими последствиями.

Насчёт институтов развития. Признаю, что институты развития, и не только ВЭБ, почти все, — кроме, может быть, Фонда содействия инновациям (бывший Институт поддержки малых инновационных предприятий) и Фонда развития промышленности, — все они недостаточно эффективны в силу разных причин. Тем не менее они нужны.

Что касается ВЭБа, у нас есть многострадальный «Ангстрем», сейчас он называется «НМ-Тех», который, вообще говоря, все эти годы жил в основном

благодаря деньгам ВЭБа. Мы и сейчас его кредитруем. Это, с одной стороны, плохая функция, потому что мы просто даём деньги и не оказываем никакого влияния на модель развития — технологическую и прочую. Но мы — корпорация развития, а не банк. И это как раз проблема и нашего ВЭБа, и многих институтов развития, которые действуют просто как финансовая контора: приказали — дали, а технологическую консультативную помощь не оказывают.

Из хороших примеров. В своё время, хотя это не входило в мандат ВЭБ и сейчас мы тоже свернули почти все сельскохозяйственные проекты, но в своё время было принято решение, что раз мы создаём такой сегмент животноводства, как мясное КРС [крупный рогатый скот]... Есть такая шутка: хорошего дояра спрашивают, как он обеспечивает надои, он отвечает: «Прихожу утром, с любовью и лаской спрашиваю: “Ну, как, молоко или мясо?” И получают хорошие надои». А если серьёзно, мы через ВЭБ инвестировали в Мираторг, он перенёс сюда технологию из Австралии, потом часть из США. Возникли компании по мясному КРС в Воронеже — в Воронеже уже кредитовал не ВЭБ, кредитовали банки. Это проекты с высокими рисками, потому что отдача появилась фактически через 10–13 лет, даже больше. Но возник целый новый сегмент, и это хорошее решение.

В принципе, ВЭБ кредитовал и помогал экспорту нашей авиационной техники — Sukhoi Superjet. Мы продавали самолёты в Мексику, в другие страны. Результаты пусть и не сильно успешные, но это всё-таки был важный момент для авиационной отрасли. Есть и негативные примеры, как в любом сложном и серьёзном бизнесе.

А.Н. Привалов

Пожалуйста. Прошу вас, Виктор Иванович.

В.И. Данилов-Данильян, научный руководитель Института водных проблем РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук

Я хотел бы обобщить вопрос Александра Николаевича. Александр Николаевич спросил про Центральный банк, про его политику и о качестве этой политики. А обобщение состоит в том, как вообще быть с качеством управления экономикой в целом? Яркий пример здесь, когда таргетируют инфляцию так, как это делается Центральным банком, но ведь куда ни кинь, какое ФОИВ [федеральные органы исполнительной власти] ни возьми, — можно набрать кучу примеров абсолютно идиотских решений. Примеры я могу привести без всякого труда.

Но вы сказали, что ни делай с нашей экономикой, она выстоит. И отсюда вроде бы следует, что это качество управления приходится воспринимать как неизбежность, притом как бы не опасную для экономики. Вот с этим я как-то не хочу согласиться.

В.И. Данилов-Данильян

А.Н. Клепач

Постараюсь тоже ответить коротко. Герман Греф, незадолго до того как покинул Минэкономразвития, это был конец 2007 года, сказал, что у нас кризис управления. Но потом мы даже шутили, что это был не кризис, у нас тогда было ещё всё хорошо с управлением, но с некоторыми проблемами. А вот потом кризис у нас каждый год нарастал.

Если серьёзно, моё мнение, что качество управления просто деградирует почти постоянно. Как ни странно, в условиях последних лет СВО, на мой взгляд, качество управления, скорее, упало. То есть, по сравнению с 2008-м, даже 2009 годом, 2010 годом, качество управления на порядок хуже почти во всех ведомствах, кроме, может быть, Минфина, хотя прошлый год и у Минфина был, на мой взгляд, провальный. Примеры у каждого свои. Это результат не столько качества нашего управления, а всё-таки жизнеспособности и нашего бизнеса, людей, потому что, несмотря ни на какие вызовы, или вопреки, всё равно делают то, что считают нужным, и это позволяет выживать.

А.Н. Привалов

Знаменитый анекдот хрущёвских времён насчёт дуста — это прямо вот оно. Знаете, да? Знаете. Ещё вопросы, пожалуйста. Прошу вас.

А.С. Горелик, эксперт по международным организациям

А.С. Горелик

Во-первых, совершенно замечательная презентация, в которой отражены животрепещущие вопросы, спасибо! А вопрос у меня касается одной never-ending story, с которой никогда ничего вроде бы нельзя сделать. Какова коррупционная картина, которую не отразишь в таких выкладках?

А.Н. Клепач

Знаете, я отношусь к тем, кто скорее считает, что не в этом главная проблема. Мне больше нравится позиция одного моего товарища, генерала, который исходит из того, что хуже коррупции может только борьба с коррупцией. Когда это идёт так, что ни одного шага нельзя сделать, — к тебе тут же приходят следки, прокуратура, поэтому все всего боятся и не принимают никаких решений, — это полупаралич в массе структур. Причём это иногда приобретает такой гротескный характер, когда решение, принятое правительством, ещё даже не начали выполнять, а уже приходит проверка. Бессмысленно приводить примеры, это какая-то вакханалия. И от этого, на мой взгляд, больше вреда, чем от коррупционеров. При этом из тех, кого я в жизни знал, я бы поделил на «виды». Есть коррупционеры, о чём известно

задолго до того, как их потом арестовывают, но они работают и зачастую достаточно эффективно. Есть коррупционеры, которые не работают, и есть некоррупционеры, которые тоже не работают и вредят.

А.Н. Привалов

В старые времена разделялось, в том числе на уровне закона, мздоимство и лихоимство. Одно дело — делаешь что положено и за это берёшь мзду, а другое дело — ...ну, понятно. Максим Вениаминович, прошу вас.

М.В. Перов, руководитель проекта Института Генплана Москвы, профессор Международной академии архитектуры

У меня два вопроса, один чисто технический. Я увидел 52% М2 к ВВП. Мне как-то казалось, что было всегда больше.

А.Н. Клепач

В начале 2000-х было около 30% с лишним.

М.В. Перов

Я понял. Второе: вам не кажется, что вся ситуация с экономикой России является прекрасной иллюстрацией закона Гудхарта? Напомню, по закону Гудхарта, когда показатели становятся самоцелью, то весь проект или процесс медленно умирает или, по крайней мере, очень сильно теряет эффективность.

А.Н. Клепач

Ну, у нас многое доводится до абсурда. Насчёт М2 — сейчас действительно примерно 60-61% (см. рис. 10). И повышение уровня монетизации — серьёзное достижение. Иногда действительно лучше не принимать какого-то решения, потому что оно будет выполнено так, что лучше бы его не выполнять. Но решение всё равно принимать надо.

А.Н. Привалов

Прошу вас. Кто? Кто первый был? А, прошу вас, господин Николаев.

И.А. Николаев, главный научный сотрудник Института экономики РАН, доктор экономических наук

Андрей Николаевич, вы характеризуете состояние российской экономики как состояние, близкое к стагнации (именно так на слайде) при росте ВВП в прошлом году на 1%. Ну, по общепринятым критериям, для развитых стран 1% — это уже стагнация, я уж не говорю о первом квартале нынешнего года, когда вообще в минус ушли. А что мешает характеризовать именно как стагнацию, а не состояние, близкое к стагнации?

А.Н. Клепач

Это скорее вкусовой момент. Мы предупреждали ещё в конце 2024 года, что в следующем, 2025-м, году получим спад на протяжении 1 или 2 кварталов. С учётом сезонного календарного фактора в первом квартале 2025 года, а по нашей оценке, и во втором — был минус. И Росстат даже дал первый квартал с минусом. Но в целом по прошлому году за счёт третьего и четвертого кварталов мы получили небольшой рост. Это стагнация. В текущем году рост 0,3–0,4% — это тоже стагнация. Правда, мы ожидали большего спада в первом квартале.

У нас не получается значимого роста по итогам года. Надеемся, что в третьем и четвертом кварталах всё-таки скорее произойдёт рост. Не благодаря бюджетным расходам, а тому, что деньги, которые проавансировали в начале года, всё-таки как-то дойдут до предприятий и активизируется спрос населения.

А.Н. Привалов

А какова сейчас реальная точность? Когда вы говорите про 0,2% и 0,4% — это что-то значит, на самом деле?

А.Н. Клепач

Вообще, для секторов 1% ВВП в общей сумме — это 2 с лишним триллиона рублей. Соответственно, 0,2%; 0,4% — это несколько сотен миллиардов.

А.Н. Привалов

Я про точность спрашиваю.

А.Н. Клепач

Я бы сказал, точность прогноза у нас не является высокой. Такова наша реальность, потому что у нас столько непредсказуемых факторов, что всё кругом летит. Особенно, если ты смотришь не вообще на ВВП, а, ещё раз говорю, на то, что происходит с автомобилями, с самолётами, с урожаем.

А.Н. Привалов

Тогда точнее считать в штуках?

А.Н. Клепач

Да нет, в штуках ВВП не оценивают. Я бы так сказал: в рамках существующей методологии Росстат действует, на мой взгляд, достаточно профессионально и качественно. У нас есть некоторые системные проблемы, которые были всегда, — это высокая неопределённость и неточность оценки инвестиций, потому что... Здесь же как — за вранье ничего нет. Когда отчитывается Газпром два года назад, что он потратил около двух триллионов

инвестиций, — соответственно, дальше область, точнее, город так же отчитывается. Причём они понимают, что это не так. Мы даже письма писали и просили проверить, но надо проверять первичную документацию.

И таких историй с разными регионами хватает. Просто надо отчитаться — и они всю эту бумагу гонят наверх. Поэтому от того, что ты наврал, или мягче, исказил, приукрасил картину, — тебе ничего не будет, даже будет хорошо. Проблемы, да, есть, но это отчасти не проблема Росстата. Более того, у Росстата по закону нет права, как это было раньше, затребовать первичную организацию, проводить первичные проверки. Налоговая может, а Росстат не может.

Большая проблема с отчётностью малого и среднего бизнеса. Особенно малого — мы же ничего от него не требуем, мы решили, что его надо освободить от отчётности. Раз в год проводится опрос, по которому мы только на следующий год что-то узнаем, а так можно только гадать. Одни говорят, что он живёт, — кого ни спросишь, либо закрываются, либо по косвенным параметрам, количеству банкротств и прочее, мы говорим, что он сокращается.

То же самое с данными по доходам населения, в которых сидит значительная часть населения. А раз доходы падают в реальном выражении — значит, там не может быть хорошо. Но тебе отвечают: а мы считаем, что всё хорошо.

Вы себе не представляете степень неуважения к статистике со стороны первых лиц, не будем называть их пофамильно. То же самое о том, что у нас на науку тратится 1% ВВП или меньше: «Так не может быть, у нас намного больше» — достаточно стандартный ответ даже среди учёных, я уж не говорю про других. «И вообще, мы не впереди планеты всей, но сильно на переднем крае». А дальше просто приказ: нельзя приводить плохих примеров, у нас нет проблем.

А.Н. Привалов

Но там хороша исчерпывающая квалификация этих проблем, «которых нет», на одном листе — это очень удобно. Прошу, профессор Громов.

В.А. Громов, профессор факультета компьютерных наук НИУ ВШЭ, доктор физико-математических наук

Во-первых, я хотел бы поблагодарить вас за доклад, который, скажем так, снимает розовые очки по многим позициям. А вопросов у меня два.

Вопрос первый. Я понимаю, что индекс Джини, коэффициент Джини, не вычисляется, но вот оценки не публикуются. Но оценки, скажем, в сравнении с 1917 годом есть, там же тоже был индекс Джини?

И второй вопрос. Вы нарисовали нам два сценария. Первый — достаточно пессимистичный, второй — сравнительно оптимистичный, с явно выраженным переходом к экономике искусственного интеллекта, к криптовалютам, к токенам и т.п. Вы можете назвать какие-то показатели, которые позволяют

измерить тренды, направленные в сторону одного сценария и в сторону другого, расцепить их в настоящий момент? У меня иногда складывается впечатление, что там просто ту же криптовалюту официальная экономическая наука не видит.

В.А. Громов

А.Н. Клепач

Я бы всё-таки здесь разделил вопрос. Что касается коэффициента Джини — задаётся во многом расчётное через параболу. С точки зрения характеристики реальных проблем неравенства — это некоторая теоретическая кривая, которая не полностью характеризует реальное положение дел. Крайние оценки коэффициента Джини, если не ошибаюсь, — 0,42–0,43. По экспертно-аналитическим оценкам, он скорее ближе к 0,5–0,5 с лишним, что соответствует уровню Латинской Америки. Он действительно снизился, как и бедность, благодаря СВО и росту экономики и доходов. Однако проблема бедности и неравенства не сводятся к неравенству в доходах. Они носят многомерный характер.

В этом плане даже лучше использовать те же децильные показатели⁴, при этом имея в виду, что значительная часть доходов высшей группы там вообще

⁴ Децильный коэффициент (коэффициент фондов) — отношение среднего дохода 10% самых богатых граждан к среднему доходу 10% самых бедных.

не учитывается. То есть у нас большая часть контингента вот этих высших 2% населения — это нотариусы.

Что касается движения по второму направлению (сценарию), то мы оперируем и опираемся не на оценку больше крипты или меньше, потому что никаких достоверных данных нет. Из того, что косвенно можно понять, объём расчёта в криптовалюте, конечно, большой. Однако основные расчёты всё равно идут по официальным каналам. Есть разные оценки, расчёты в национальных валютах и в золоте, и в разных производных инструментах.

У нас эти сценарии скорее различаются макропоказателями, характеризующимися темпами роста, нормой накопления, изменением доходов населения, показателями экспорта. Если говорить о технологических показателях, то это тоже вопрос комплексной оценки. Если попытаться сделать некоторый комплексный индикатор количества исследователей (которое у нас сокращается, как известно), учёных, публикаций, расходов на НИОКР и определённых индикаторов инноваций и технологических нововведений, — то, в принципе, мы примерно на восьмом уровне в мире.

Но сейчас очень трудно сказать, куда мы движемся. По расходам на НИОКР — никуда, хотя, как вы знаете, в принятых документах мы должны к 2030 году дойти до 2%. Никто не знает как. Если взять бюджет, там нет роста расходов. Надежда, что частный бизнес должен заплатить, но он в условиях стагнации начал сокращать и инвестиции и расходы на НИОКР.

Технологические вещи — тоже отдельная история. Вот у нас сейчас впервые начали давать данные по беспилотникам. Они напрямую не показаны в статистике, но они сидят в «прочих транспортных средствах». Реально это почти триллион рублей. У нас микроэлектроника растёт. Можно спорить по поводу её уровня, насколько она отстала, на 15, 10 или 20 лет, но темпы роста за прошлый год по микро- и радиоэлектронике составляют примерно 40% с лишним.

На самом деле, определённые позитивные технологические изменения и рывки происходят. Другое дело, что пока мы всё равно здесь конкуренцию не выигрываем, даже по беспилотникам на театре военных действий. Хотя раньше мы их опережали, то сейчас немножко другая ситуация. Надеюсь, вырвемся вперёд.

А.Н. Привалов

Прошу.

М.А. Привалова, куратор социокультурных проектов и исследований

Я держала-держала вопрос, но дальше вы постепенно в своих ответах всё больше заставили меня его задать. Можно скрывать данные Росстата, можно не говорить про ВВП на душу населения, можно стараться не показывать, что происходит в экономике. Но более-менее любой активно живущий человек

М.А. Привалова

заметит надписи «Аренда» на улице, узнает, что закрылось какое-то его любимое кафе или марка одежды. В общем, просто для живущего человека найдутся обязательно сигналы о том, что ситуация обстоит не ахти.

И мне интересно в связи с тем, что вы и в докладе говорили, и потом в ответах на вопросы упоминали: если внутри руководства и лиц, принимающих решения, есть недоверие к статистике, то как вам кажется, что же заставит сменить жёсткую кредитно-денежную политику или вообще зашевелиться? Как вам кажется, какие сигналы, на которые они наткнутся, не доверяя статистике, считая, что всё хорошо, могут заставить их решить, что нужно что-то делать? Какого рода вещи могут напрячь лиц, принимающих решения?

А.Н. Клепач

Из моего опыта — и когда я работал в министерстве, да и сейчас, поскольку я участвую во многих совещаниях в силу традиции или как «полунезависимый», — макропоказатели не сильно влияют на принятие решений. Когда мы говорили о том, что с учётом сезонного календарного фактора будет минус, то эти критические оценки просто не докладываются. Когда Росстат показал, что происходит падение от года к году, — это всё-таки дали. Поэтому было сказано, что надо активизировать экономический рост, хотя тут же

в выступлениях и Решетникова, и Новака прозвучало, что это всё необходимая коррекция после слишком большого роста в предыдущие годы и всё это вполне разумно.

Из того, о чём я могу судить, тревога определённая там есть, и она нарастает. Но она больше связана с опросами населения, закрытыми и не очень закрытыми, которые показывают, что падает рейтинг «Единой России», начал снижаться рейтинг президента, и в какой мере это связано с экономикой, в какой мере с вопросами с Телеграм, с усталостью от СВО и прочее. Опросные данные, из моего опыта участия в разных закрытых мероприятиях, для них более чувствительны, чем макропоказатели.

Во-первых, так и не докладывают, что мы отстаём от Украины. От того, что мы отстаём от темпов роста мировой экономики, тоже не докладывают. При этом мировую экономику можно по-разному считать. Можно считать с учётом паритета покупательной способности и прочее, а можно по номинальному ВВП, и тогда будет ниже на 2% с лишним. Это уже ближе к нашим оценкам. Плюс Трамп всё-таки помогает нам замедлить мировую экономику и даже чуть поддержать нашу. Видимо, они рассчитывают, что он продолжит свою созидательную работу в этом направлении. Я, конечно, ёрничаю, но большие начальники не воспринимают цифры 1%, 2%, а уж тем более 0,2%, 0,4%. Вот ещё 5% или больше в два-полтора раза — это как-то работает. А вот эти все ваши там десятые процента...

А. Н. Привалов

Я когда только-только после университета попал в экономический институт при Госплане (НИЭИ), там ещё работал Сан Саныч Конюс⁴, и он рассказывал, что в 1930-е, что ли, годы его и ещё кого-то из его коллег вызвали непосредственно к вождю, и вождь им сказал, что иностранная пресса, там, газета Times, не помню точно, опубликовала статью, где написано, что уровень жизни британского рабочего выше, чем советского. «Я не знаю и не хочу знать, что такое уровень жизни, но чтобы через три дня в «Правде» была статья, где было б сказано, что уровень жизни советского рабочего выше...». И Конюс с коллегами написали такую статью, и «Правда» её опубликовала. Дело рабочих рук. Но это уметь надо. Ещё вопросы, пожалуйста.

Из зала

Я был оппонентом у Конюса на защите докторской, когда ему было 84 года.

А.Н. Привалов

Он поздно защищался, да. Если вопросов больше нет, можем приступать к высказываниям. Леонид Маркович, вы хотели высказаться?

⁴ Конюс Александр Александрович (1895 — 1990) — советский и российский учёный, экономист-математик и статистик, доктор экономических наук; член Эконометрического общества (1975).

Л.М. Григорьев, научный руководитель департамента мировой экономики, ординарный профессор НИУ ВШЭ

Л.М. Григорьев

Коль я пришёл, то должен как-то что-то сказать. Я, в отличие, наверное, от многих, читаю всё, что пишет Андрей Клепач. Я знаю всё, что он говорит людям, потому что это те же люди, с которыми я разговариваю. У меня всё-таки, дайте я похвастаюсь, есть уникальная позиция: я знаю всё, что там (за рубежом) происходит, — это моя работа. И знаю всё, что там пишут про нас, потому что это тоже всю жизнь моя работа...

А.Н. Клепач

А можно, я чуть скажу? Просто я в каком-то смысле у Леонида Марковича всегда учился. Не только в Высшей школе экономики, где он тоже нас учил, но ещё когда он возглавлял конъюнктурное направление в ИМЭМО. Для нас это был один из параметров и стандарт конъюнктурного анализа.

Л.М. Григорьев

Андрей, я сейчас начал рассказывать одну правду, которая, может быть, всем будет интересна. Меня в 1979 году послали в Штаты на полгода, неженатого (это абсолютный рекорд в Академии наук), к Лори Кляйну

[Лоуренс Клейн] в Филадельфию, который в 1980 году получил Нобелевскую премию за прогнозирование [за «создание эконометрических моделей и их применение к анализу циклических колебаний и экономической политики»]. Он потом приезжал в Москву, я с ним ещё тут фотографировался в 2004-м. Мы всю жизнь как-то общаемся. Так что я часть мировой этой комьюнити «прогнозёров». Оказывается, у Н.Н. Иноземцева⁵ был большой план насчёт даже мировой модели. Я приехал, и мне дают сектор конъюнктуры, но до модели и прогнозов дело не дошло. Чтобы было понятно, я со 180 рублей зарплаты перебрался на 400. Ну, отказаться было невозможно, Револьд Михайлович⁶ оплакал мою потерю для науки.

Но что я делал? Я делал одну вещь, которую никто не знает, или почти не знает. Я писал ежеквартальные отчёты о состоянии мировой экономики. Вот такие, как теперь пишут все. Шесть страниц текста, 18 таблиц. Все металлы, валюты, золото — абсолютно всё. У нас (человек десять) это всё хорошо получалось. У меня за стенкой кабинета в ИМЭМО стоял терминал Reuter. Я был человеком, у которого в течение всех 1980-х годов был «свой Reuter», вот как теперь бы Bloomberg. Он был где-то ещё в министерстве и у меня. Это две бобины, которые безостановочно качали данные.

Политику забирали политики, а всё остальное... Когда у меня были проблемы, я звонил приятелю в Филадельфию и говорил: «А почему у тебя в июне... у вас что там за кризис?» Он: «А, не обращай внимания, это забастовка». Я производил, Королев [И.С. Королёв, замдиректора ИМЭМО в 1978 — 1986 гг.] относил это в ЦК. Это ЦК дал деньги, как мне кажется, перепроверять Минвнешторг и Внешторгбанк. Они [ЦК] имели свою полную картину, ежеквартальную. Если вы возьмёте все работы ИМЭМО 1980-х годов до конца советской власти, то вся статистика там опубликована была точно такая же, какая публиковалась аналогичными фигурами в Амстердаме или Нью-Йорке. Абсолютно. То есть мы действительно из ИМЭМО передавали точные данные наверх. Ну, это просто по части вовлеченности.

В августе 1991 года, за четыре месяца до роспуска Союза, вышла моя статья под названием «Экономика СССР: новая фаза кризиса». Потом я что-то такое Е.Г. Ясину объяснял в районе 1 октября 1997 года, — мы были на собрании Мирового банка в Гонконге, — что сейчас грохнет кризис, уже пошло то-то, то-то, то-то. Он говорил: «Лёня, всё хорошо». Мы приезжаем — и тут грохнуло. В октябре я вернулся из США, и первое — нас с Дворковичем, который ещё не умел играть в шахматы, включают в группу, которую он тогда

⁵ Иноземцев Николай Николаевич (1921 – 1982) — директор ИМЭМО РАН (1966 – 1982), член-корреспондент АН СССР.

⁶ Энтов Револьд Михайлович (1931 – 1925) — российский экономист, академик РАН; член Никитского клуба (2000 – 20025).

возглавил [Экономическая экспертная группа (ЭЭГ) Министерства финансов РФ, специализирующаяся на анализе и макроэкономическом прогнозировании], по еженедельному сообщению Чубайсу об этих делах. В 1998 году в марте меня спрашивают: «А как этот азиатский кризис происходит?» Мы написали справку, я её найти не могу, где объяснили, что первыми бегут свои, потом, глядя на них, бегут конфиденты-иностранцы, потом на иностранцев всё сваливают. Потом это происходит у нас. Количество этих примеров немножко затягивается...

Е.В. Устюжанина, заведующая лабораторией институциональной динамики ЦЭМИ РАН, доктор экономических наук, профессор РЭУ имени Г.В. Плеханова

Леонид Маркович, так что сейчас-то будет?

Л.М. Григорьев

Я и пытаюсь сказать, что я перестал публиковать. Нет, у меня есть опубликованные статьи 2009 года и 2014 года по экономике Украины, где написано, что эти разборки выглядят, как борьба за смену кают на Титанике. Постоянно опасаясь, что я слишком много знаю (и помалкиваю) про российскую экономику. И я пришёл убедиться, что можно это всё рассказать вот таким изящным образом.

Единственное, что я могу сказать, это финальный аккорд, который звучит так: для 50 месяцев конфликта при таких институтах — это замечательные результаты! Если бы мне кто-то сказал четыре года назад, что через четыре года при такой жизни, при таких санкциях мы будем вот в этой точке, то не поверил бы... Какая разница, как это называется, а что мы будем на нуле, да ещё с этим, с этим, с этим и с этим, и 40% микроэлектроники, ничего, что она старенькая, — ну, это выдающийся результат!

Гораздо опаснее, что будет, когда это всё кончится. Потому что с Украиной — похоже, по данным, что у них всё хуже, чем это описывают, и никуда они нас не обгоняют. Все деньги, весь экономический рост Украины в точности равен количеству денег, присланных из-за рубежа. Хотите прибавить 3% роста Украине — ну, прибавьте 5 миллиардов, будет ещё больше. Нет, не в этом дело. Им-то эти деньги останутся. Сейчас, судя по тому, что 90 миллиардов им дали, то после остановки военных действий у них эти деньги останутся.

Про коррупцию. То, что ты описал, — это известная вещь. У меня есть совместная статья с Максимом Овчинниковым про это дело. Когда его назначили в Росатом, он спросил у меня: «Леонид Маркович, где наша статья?» Ему хотелось ознакомиться перед работой. Это известная стандартная вещь в мировой науке — что борьба с коррупцией, доведённая до чрезмерного усердия, парализует экономическую жизнь. И есть даже теория, что единственный

случай, когда коррупция приемлема с точки зрения экономического роста — это когда она парализует всякую хозяйственную деятельность⁷. Ну, попали теперь и в эту теорему. Кстати, давно попали.

Теперь с точки зрения проблем с управлением. Как человек, который присутствует на всех тусовках и непрерывно разговаривает с ответработниками, могу сказать, что, как было, так ничего и не меняется, где я только не работал. Возникает какая-то проблема — приходишь и говоришь: можно подумать, как это сделать. Он говорит: «Давай, но только чтобы быстро, качественно и даром, ну, или недорого». Я ему говорю, что подмосковные строители все так говорят: «Строим быстро, качественно, недорого, но любые два из трёх». Но так ничего не проходит, всё сложное требует времени, средств и терпения. Трудно провести дельный совет кому бы то ни было, из которого следует, что нужно что-то потратить заранее, подумать, что эффект будет не сразу, а через два года, потому что проблема такая... Причём это стандартная вещь.

У меня буквально пару месяцев назад одна учёная дама спрашивает: «Вот вы знаете про мировую экономику, а про Россию-то знаете?» Я говорю, а что тут особенного-то? Ну, среднеразвитая страна с перекосом в сырьевых олигархах, с энергетическим экспортом. Ну, единственное отклонение от нормы — это слишком высокий человеческий капитал, который неистребим, потому что воспроизводится без приказа, сам. В значительной мере семейным путём или путём минимизации издержек регламентации распоряжений сверху. Потому что если ты начинаешь все выполнять, то тебя просто парализуют. Просто надо учить, как учил, и не валять дурака. Мы это и делаем, я имею в виду профессию, по наблюдениям.

Поэтому проблема перехода к решению проблем завтрашнего дня — первая проблема как минимум. Мы ещё не знаем, чем закончится. Даже если ничего плохого не произойдёт, последствия перекрытия — Ормузский паралич — рассосутся не раньше, чем к Новому году, а дальше — вторичные последствия. Это при том, что ничего хуже не происходит. Ближе к ноябрьским выборам начнётся пропагандистский хаос в Штатах. Что сделает Дональд Трамп как «старший управляющий по решению мировых хозяйственных проблем», как он сегодня был корректно представлен, — мы точно не знаем. А что начнётся после, если у демократов окажется большинство? А если обе палаты? Вот что нам грозит и что будет? Завтра, кстати, СВОП, весь народ туда съезжается, вернёмся ещё к этому вопросу.

Но потом ещё можно обозначить точки, развилки и проблемы, которые будут возникать. Остановка военных действий — а как это будет происходить физически? А что люди? А что ветераны? А что субсидии? Там новые проблемы из этого складываются.

⁷ В экономической науке это суждение называется гипотезой «смазки колес» (grease the wheels hypothesis). Согласно этой теории, в условиях громоздкой бюрократии взятки могут помогать бизнесу «обходить» неэффективные законы.

Поэтому я, честно говоря, думаю, что картина, которую ты нарисовал, сбалансирована, взвешена, и действительно эта страна в состоянии выжить. Но не экономика выжить, а эти люди, это общество с его тысячелетним тренингом выживания в стране, где никогда не было мира дольше, чем несколько лет подряд. Ну, а по крупным войнам — офицер, попавший в армию в России, имел за жизнь обычно две большие войны. Вот это, учитывая все эти культурные коды, и есть способность к выживанию. А вот мира опасаюсь, отвык.

А.Н. Привалов

Трогательно. Спасибо. Кто ещё хотел бы высказаться? Прошу вас.

И.А. Николаев

Да, спасибо. В презентации было сказано о факторах, которые привели экономику к состоянию, близкому к стагнации. Будь то стагнация или как-то ещё, действительно неважно, тем не менее здесь, на мой взгляд, надо просто называть вещи своими именами: 1% роста — это всё-таки стагнация, а не состояние, близкое к стагнации.

Названы традиционные факторы, Андрей Николаевич об этом сказал, с некоторыми из них невозможно не согласиться. Действительно, рост тормозит жёсткая денежно-кредитная политика. И это стало общепринятым. И я не спорю.

Другое дело, что, мне кажется, надо обратить внимание на то, что с наивысшего своего значения 21% ключевая ставка с середины прошлого года снизилась до 14,5%. Это уже существенное снижение — на 6,5%. Одновременно темпы экономического роста у нас сейчас стали минусовыми. Я понимаю, на это можно возразить: ну, если бы снизили до 7,5%... Вот я далеко не уверен, что если бы до 7,5%, то тогда произошёл бы разворот.

Я хочу сказать, что, на мой взгляд, это просто упрощение — слишком высокая ключевая ставка, и чуть ли не все беды именно от этого. Повторюсь, на фоне существенного снижения ключевой ставки мы имеем очень существенное замедление темпов экономического роста. Это просто факт. И надо через призму таких тенденций смотреть на причины, факторы, которые действительно привели к тому, что экономика находится фактически в стагнации.

Если ещё о факторах, раньше-то Росстат периодически давал результаты опросов. Вопрос был простой: что в наибольшей степени дестимулирует экономическую деятельность? Там, по-моему, девять факторов назывались, и они ведь не изменились. Никуда не исчезла неопределённость экономической ситуации, высокая налоговая нагрузка. Кстати, высокая ставка коммерческого кредита все последние годы не была на первом месте, во всяком случае, по опросам бизнеса. На подобного рода обсуждениях называется ставка, а бизнес почему-то не называет это проблемой номером один. У бизнеса, как показывали последние результаты подобных исследований, приоритетными

И.А. Николаев

проблемами всегда были неопределённость экономической ситуации и высокая налоговая нагрузка. И это действительно существенное, о чём надо помнить, и то, что, если слушаешь представителей бизнеса, сдерживает предпринимательскую активность.

И ещё на один фактор я бы обратил внимание. Что серьёзнейшим образом поддержало экономику ещё в 2000 году, в 2022 году? Когда государство значительно ослабило вот этот вот административный прессинг в виде разного рода проверок, разрешительных всяких процедур и тому подобное. Абсолютно правильный, хороший шаг. То есть вот свобода — выживайте. Прекрасно! Это и в ковид сработало, когда резко сократилось количество проверок, и в 2022 году тоже мы получили спад, не как первоначально прогнозировалось, под 10%, а буквально 2%. Потому что бизнес показал: да, он уже рыночный, показал свою адаптивность. И в условиях, когда предоставили такую свободу, то, конечно, это прекрасное качество, которое уже сформировалось, было реализовано.

Но, если мы посмотрим, — официальная статистика даёт по количеству тех же проверок, — то у нас эта тенденция после 2022 года, начиная с 2024-го, с 2025 года, меняется в другую сторону. Регуляторика усилилась. Это тоже фактор, который сейчас надо учитывать в рассуждениях о том, что сдерживает развитие.

Хотелось бы, чтобы хороший, положительный опыт экстремальных 2020–2022 годов не забывался. Бизнес показал, насколько он может включить все свои ресурсы, которые у него есть, когда регуляторный пресс ослаблен.

А.Н. Привалов

Спасибо. Сейчас как раз приятно вспоминать о том, что когда-то кто-то какие-то прессы ослаблял. Приятно вспомнить. Елена Владимировна, прошу вас.

Е.В. Устюжанина

Во-первых, я хотела бы поблагодарить Андрея Николаевича. На мой взгляд, доклад был блестящий, а ответы на вопросы ещё лучше. В докладе меня тоже зацепило предложение улучшать ситуацию с помощью институтов развития. Но, когда вы начали отвечать на вопросы, то объяснили свою позицию более точно.

Е.В. Устюжанина

А теперь я хочу просто поспорить с Игорем Алексеевичем. Да, ставка снижается, но проблема в том, что она до сих пор запредельная. Когда мы отрубим собаке хвост по кусочкам, эффекта точно не будет. Сейчас ставка всё равно запретительная для нормального кредитования бизнеса, даже для пополнения оборотных средств.

Конечно, я с согласна, что жёсткая денежно-кредитная политика далеко не единственный фактор, мешающий развитию нашей экономики. Но вряд

ли стоит так доверять опросам предпринимателей. Мы должны ещё учитывать, что им дают и варианты ответов не самые лучшие. Безусловно, неопределённость будущего влияет на предпринимательское поведение, но есть ещё низкая защищённость прав собственности, а также огромные перераспределительные процессы в экономике.

У меня был хороший друг, известный институционалист, к сожалению, уже покойный, Вячеслав Валентинович Дементьев. В своих работах он писал, о том, что в современной России большая часть предпринимательской активности сосредоточена не на инвестициях, не на внедрении инноваций, а на перераспределении в свою пользу государственных потоков через национальные проекты, государственные заказы и другие формы государственного финансирования. Потому что когда государства в экономике так много, когда государство кому-то даёт субсидии, кому-то даёт льготные кредиты, кому-то субсидируют проценты по кредитам, то вся предпринимательская активность начинает направляться на то, чтобы получить от государства как можно больше.

Ещё раз повторюсь, факторов много. И выбрать из них главный трудно. Но позиция Андрея Николаевича, что жёсткая денежно-кредитная политика тормозит экономику, на мой взгляд, правильная. У меня есть приятель, которого я никогда в жизни не видела, но который мне регулярно звонит. Он заведующий отделом экономики «Аргументы и факты». И каждый раз он мне задаёт вопрос: «Ну вот, Елена Владимировна, опять снизили ключевую ставку — ну, так всё, теперь будет всё хорошо?» А я ему отвечаю: «Алексей, нет, не будет, потому что снизили очень мало».

И что я ещё хотела бы сказать — российская экономика, конечно, много чего может выдержать, мы можем и на натуральное хозяйство переходить, у нас выживаемость людей очень высокая. Но, уважаемые коллеги, всё-таки есть такая вещь, как предел понимания. И мне кажется, что действительно социальные проблемы сейчас будут играть очень большую роль, потому что огромное количество людей не понимает, что происходит. И здесь опять-таки я должна выразить уважение нашему докладчику, он тоже об этом говорил. Дело даже не в неравенстве в доходах. Мы с вами, мне кажется, до конца даже не можем понять, что происходит с настроениями людей. Я москвичка в третьем поколении, но вот те люди, которые живут не в Москве, регулярно мне начинают объяснять, что вы, москвичи, живёте в другой стране...

Спасибо большое. Ещё раз, огромное уважение докладчику и за доклад, и за ответы на вопросы.

А.Н. Привалов

Елена Владимировна, только маленькая поправка. Может быть, я не прав, но дело не в том, что очень много государства в экономике, а в том, что в экономике очень мало чего-либо, кроме государства. Совсем иной разворот. Прошу вас.

М.В. Перов

Я тоже присоединяюсь к благодарности докладчику, потому что доклад действительно отличный, политкорректный, вообще очень мощный.

М.В. Перов

Мне кажется, что, говоря о глобальных вызовах, нужно говорить о мировом кризисе, который пошёл с 2008 года и который заключается в том, что тот механизм, который работал последние 500 лет, а именно углубление системы разделения труда, работать перестал. Почему? Потому что углубление системы разделения труда требует постоянного расширения рынков. Рынки закончились физически. Американцы попробовали увеличить ёмкость рынка, выдавая ипотеки людям не очень, мягко говоря, обеспеченным. Чем закончилось — известно. И, в общем, начиная с 2008 года, новые-то модели не придумали. Отсюда все эти резкие движения, отсюда Трамп, отсюда «арабская весна» и всё прочее. Относительно спокойное течение жизни закончилось и пошёл такой хаос, который, мне кажется, имеет под собой вот эту причину.

И, кстати говоря, о регионализации. Она, по моей памяти, была впервые описана во втором докладе Римского клуба Месаровичем и Пестелем где-то лет 50 назад [«Человечество на перепутье» (Mankind at the Turning Point), 1974]. Они это предсказывали. Дальше это хорошо описал Хантингтон в «Столкновении цивилизаций». И это будет развиваться, мне кажется, довольно неизбежно.

Теперь, что касается России, мне кажется, что основной проблемой является неадекватное управление страной. У страны, прежде всего, нет предъявленных целей развития. В этом смысле СССР был эффективнее. Я не симпатизирую коммунистам и СССР, но у них была цель — мировая революция, мировое господство, понятная идеология. Они в рамках этой цели успешно работали. Не имея целей развития, адекватное управление сделать очень сложно, мягко говоря. И понятно, что отсюда получается бухгалтерская логика, отсюда получаются все проблемы борьбы с коррупцией, отсюда получается иллюстрация закона Гудхарта, когда у нас показатели становятся доминирующими.

Не могу не остановиться и на этих дилеммах — пространственное, рост агломераций и подъем российской глубинки. Подъем российской глубинки невозможен в принципе. А рост агломераций сейчас будет приторможен, насколько я понимаю, продажа первички в Москве упала в первом квартале на 39%. Я не очень понимаю, как объёмы в тех агломерациях, где понастроили, будут проданы, потому что снизить цену-то невозможно, деньги на эскроу-счетах и на бизнес-планах в банках. Из чего они будут снижать-то? В общем, это опасная штука.

В научно-технологическую волну я как-то не очень верю после всех малоудачных историй типа Роснано и прочего. То, что я краем уха, так сказать, знаю про планы развития науки, у меня оптимизма не вызывает. Институциональные преобразования — у нас это только в одну сторону: много государства. И я не вижу предпосылок, чтобы они пошли в другую, если не будет каких-то социальных кризисов. Кто не помнит, в 1991 году возникла такая вспышка активности и энтузиазма после публикации меню буфета ЦК с их ценами. Это вызвало просто ярость: краб за 19 копеек, ну, совсем уж было хамовато. Такие случаи известны. После выхода книжки «Хижина дяди Тома» общественное мнение в США дозрело до гражданской войны очень быстро, хотя экономических причин не было вообще никаких. После выхода «Муму» Тургенева общественное мнение возбудилось и добилось отмены крепостного права. У Аузана есть прекрасная книжка «Культурные коды экономики». Очень всем рекомендую. А так ещё раз спасибо за доклад.

А. Н. Привалов

Спасибо. Кто ещё хотел бы сказать? Прошу вас, Виталий Леонидович.

В.Л. Тамбовцев, *главный научный сотрудник лаборатории институционального анализа экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор*

Уважаемые коллеги, совсем короткий комментарий даже не столько к докладу — доклад ничего, кроме удовольствия, у меня не вызвал, спасибо за него. А вот среди комментариев был такой сюжет, а когда же начнутся

общественные недовольства? Ответ был дан больше тридцати лет назад психологами⁸. В ответ на какие-то трудности в экономике общественное недовольство возникает тогда и только тогда, когда благосостояние будущих недовольных не зависит от государства. Вот в эти периоды, конечно, те, кто что-то начинает терять в экономике, начинают выступать против государства, потому что оно чего-то недодало. Но в ситуациях, в которых находятся практически все разумные государства в мире в последние лет 70, наверное, благосостояние тех, кто потенциально может высказать недовольство, зависит от государства.

В.Л. Тамбовцев

А кто же будет выступать против кормителя? Он же может в ответ на это сделать только хуже. О каких социальных недовольствах может идти речь в современных государствах, когда благосостояние потенциала недовольства есть функция деятельности государства? Поэтому на то, что говорится про «а когда?», ответ очень простой: практически никогда, до тех пор пока государство не выйдет из экономики. Ну а кто же выйдет из экономики, если оно от этого получает те доходы, с которых оно, собственно, и живёт?

Великая Октябрьская революция, произошедшая 110 лет тому назад, дала ясный ответ всем государствам как организациям, которые существуют

во всех странах, что им надо расширять. Если работники этих организаций хотят продолжать своё дело, которым они занимаются, государство должно активно входить в экономики, начинать помогать страдающим людям. Что, собственно, государство и делает. Где происходят волнения? Там, где государство этого не делает. Что такое «арабская весна»? Этим примером всё сказано. Где происходят постоянные смены правительств и всё прочее? В Африке. А что там за государства? Они очень слабые, очень незрелые, они людям не помогают и становятся жертвами тех, кто берёт инициативу на себя, объясняя, что всему вина — вот эти правители, а мы будем лучше.

И это бесконечный процесс, который идёт, идёт, идёт, пока государство не поумнеет и не начнёт поддерживать потенциально страдающих от плохой деятельности экономических агентов массово. Поэтому в этом плане всё нормально, всё тихо, спокойно и никаких проблем с социальными недовольствами ожидать не надо. Спасибо.

А.Н. Привалов

Вашими бы устами, Виталий Леонидович, да мёд пить. Насколько я помню, «арабская весна» разразилась не потому, что египетское правительство не дотировало знаменитый кусок хлеба. Дотировали из всех сил, но просто дотировалка кончилась. Кто ещё хотел бы высказаться? Прошу вас.

О.В. Буклемишев, заведующий кафедрой макроэкономической политики и стратегического управления, заместитель декана по международным связям экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат экономических наук

Я как раз продолжу эту самую мысль. Вот для меня всегда Андрей Николаевич порождал такой дивный парадокс: сначала он говорит про управленческий кризис на всех уровнях, а потом рассуждает о недостатке стратегического планирования от имени того же, кто породил вот этот самый управленческий кризис.

И говоря о социальном кризисе, о котором сказал Виталий Леонидович, и, наверное, о том большом разросшемся государстве, помимо которого ничего не осталось, я хочу напомнить, что в последнее время действительно частный бизнес показывал чудеса эффективности, а государство, несмотря на то что ему где-то даже пытались не мешать, такие чудеса эффективности не демонстрировало. И если мы посмотрим на составляющие экономического роста, то чистый экспорт от народа страны зависит, но не в очень большой степени. А вот потребление и инвестиции, большая часть любого стабильного экономического роста, — это то, что зависит от населения страны, проживающего здесь и сейчас. Точно так же, как невозможно заставить верблюда пить, невозможно заставить население потреблять или бизнес инвестировать.

⁸ Jost J.T., Banaji M.R. (1994). The role of stereotyping in system-justification and the production of false consciousness // British Journal of Social Psychology. Vol. 33. No. 1. Pp. 1–27. — B.T.

О.В. Буклемишев (слева)

Отвечая на вопрос Натальи Ивановны, где этот самый предел, — мне кажется, что это и есть ключевой вопрос. Потому что, ну давайте посмотрим, например, на наш бюджет. Андрей Николаевич верит, что он будет сокращаться в виде расходов. Я ни секунды в это не верю. Бюджет, несомненно, будет в номинале выше, чем он был в прошлом году. Про размер дефицита я не хочу сейчас рассуждать, но то, что государство ещё разрастётся и продолжит давление на тех, кто эти деньги в бюджет вносит, — это у меня никаких сомнений не вызывает.

И более того, экономический рост, чудесный, которого мы добились в последние годы, в значительной степени опирался как раз на отжатые у населения и бизнеса деньги в период с 2004-го по 2020-й годы, когда эти деньги ещё были. Собственно, эти деньги довольно быстро были растрочены. Возможно, кто-то надеется, что они будут каким-то образом восстановлены, — у меня никаких надежд на это нет. Никакого ФНБ, о нём просто можно забыть как о некоем инструменте восстановления экономического роста или национального развития. Просто его нет и больше не будет.

Так вот, бюджет, который мы сегодня имеем, с точки зрения структурной — это бюджет, на мой вкус, предельный, его в доходах больше раздуть некуда и не за счёт чего, ибо всякое увеличение фискального давления будет встречать как раз сжатие потребления и инвестиций, которые будут подрывать базу для вот этого самого дальнейшего развития.

Выход из этого парадокса мне видится один, — к сожалению, я другого не вижу, если кто-то видит, скажите мне, пожалуйста, — что действительно, государство должно каким-то образом ужаться. То, что само оно ужиматься

не хочет, тоже представляется достаточно очевидным. Значит, оно будет ужиматься через кризис, как в 1998 году, когда оно действительно хорошо ужалось. Кстати, я не думаю, что отсутствие проверок тогда сыграло такую положительную роль. Отсутствие проверок — это снижение безопасности, помимо всего прочего. Если мы верим, что государственный контроль несёт какую-то общественную полезность, то, наверное, и приостанавливать его так, сроком, нельзя, просто потакая бизнесу. Если нет пользы — нужно не приостанавливать, а отменять.

А вот говоря о сокращении роста тарифов в 1998-м (в 1999-м ни один тариф не вырос, напоминаю), — это, в общем, было едва ли не большим движущим фактором для того экономического роста, который был неожиданно запущен в 1999-м. И по большому счету, расширение фискального давления невозможно — значит, нужно перераспределиться государству внутри себя из любимых направлений. На любимых направлениях сидят любимые люди, которые тоже не хотят, наверно, лишаться своих любимых денег. Так что я вижу один только выход — через экономический кризис, который, наверное, сойдётся где-то в фокальной точке укрепления рубля, высокой процентной ставки и нагромождения социальных реакций.

Для меня очень важной социальной реакцией явился переход населения на наличность. А причины перехода на наличность — это не только отключение мобильного интернета, но и, давайте скажем честно, что люди начали бояться перечислять деньги по безналичным каналам, к которым они так привыкли. Ну, просто ожидают фискальное давление, не хотят больше фискального давления, поэтому рационально это фискальное давление предвосхищают.

Так что я вижу предел системы где-то на пересечении бюджета, валютного курса и прочих мелких вещей, которые раздражают, очень сильно раздражают людей в последнее время. Вот только из этого выльется что-то, откуда мы спустя некоторое время сможем перейти обратно к динамичному экономическому росту. Извините.

А.Н. Привалов

Не за что. Что ж тут особенного? Кто ещё хотел бы высказаться? Прошу вас.

Н.И. Иванова

Два слова. За мировую экономику обидно. У вас, как теперь говорят, дискурс, нарратив — «Экономика России и геополитические вызовы». Но вся структура и, по-моему, ход обсуждения показали, что, конечно, важнейшая тема — это экономика России. У вас заход — такое часто бывает у наших экономистов, особенно чем выше начальство, тем больше они обвиняют во всех бедах мировую экономику: там такая турбулентность, там такой Ормузский пролив, там такие безобразия творятся, скоро будет кризис или кризис был,

или ковид, или что-нибудь ещё, и поэтому нам от этого будет плохо и возникают проблемы.

А ваши дальнейшие аргументы, мне кажется, говорят о том, что Ормузский пролив нам помог вместе с Дональдом, потому что цены выросли и на удобрения, и на зерно, и на всё. Плюс Китай развивается нормально, мы дружим с Китаем. Не нужно, мне кажется, использовать Глобальный Юг. Китай! И если есть какой-то вызов — это опасность, что вдруг с Китаем что-то случится. Но вроде бы там как бы об этом речи даже и не было. Поэтому, если мы посмотрим на то, что происходит в мировой экономике, — торговля растёт, в том числе торговля товарами, хайтеком, услугами, наукоёмкость мировой экономики растёт. Там, где мы не можем преодолеть 1%, мировая экономика уже преодолела 3%, если мировые расходы на НИОКР отнести к мировой экономике. Потому что есть такие страны, в которых даже больше — есть и 6%, и 7%. То есть мировая экономика создаёт дополнительные возможности, демпферы, стимулы.

И последнее, что важно в мировой экономике, — всё-таки, мне кажется, когда мы говорим о геополитических вызовах, нужно иметь в виду, что есть геополитические вызовы, а есть экономические вызовы. Политически — да, там турбулентность, там бог знает что, там левые, правые, я вообще бы здесь политологию и не трогала. Но другое дело, что экономически, даже экономические механизмы глобализации, — хотя ВТО несколько, так сказать, парализовано, но все остальные двести институтов экономической глобализации, которые обеспечивают нормальную работу мировой экономики, работают. Мы как-то об этом особенно не говорим. Там всё нормально, там всё регулируется. Там есть, конечно, проблемы, но это... Ну чего вы смеётесь, Александр Николаевич?

А.Н. Привалов

Ну, всё это очаровательно: 30 тысяч санкций — о чём вы говорите вообще? Мировая экономика нас давит обеими ногами.

Н.И. Иванова

Вот не согласна, не согласна.

А.Н. Привалов

А, ещё не обеими! Хорошо.

Н.И. Иванова

Вот не согласна, потому что не нужно путать политические основания... Это не мировая экономика, не путайте это. Мировая экономика в гораздо большей степени состоит из бизнеса, чем из государственных решений и государственных компаний. Этим она отличается от нашей экономики, понимаете? Основные агенты мировой экономики — это транснациональные компании,

и они не очень слушают Трампа, Мерца, всех остальных. Мы об этом забываем. Мы забываем, чем на самом деле является мировая экономика.

Я чувствую, что говорю поперёк. Извините, если не так, но это моё глубокое убеждение.

А.Н. Привалов

Это же прекрасно, что поперёк. Это и называется... Хуан Рамон Хименес [испанский поэт], да? «Дали линованную бумагу — пишем поперёк». Всё правильно. Кто ещё хотел бы высказаться?

В таком случае я позволю себе попросить нашего уважаемого докладчика отреагировать на услышанное в заключительных словах. Прошу вас.

А.Н. Клепач

Спасибо. Были затронуты очень разные аспекты и вопросы, на всё реагировать невозможно. Ну, может быть, мы все прекрасно понимаем, что институциональные факторы и вопрос определённости играет большую роль. Правда, я не думаю, что в 2020 году во время ковида была высокая определённость. Да и сейчас скорее определённости больше. Если всех послушать — не хочу произносить в этой аудитории — все единодушно ждут одного и того же, поэтому определённость, вообще, очень большая.

Здесь, мне кажется, всё сложнее. Понятно, что бизнес отодвигает многие инвестиционные проекты именно потому, что он понимает, что не будет там ни особого расширения рынка, ни смягчения денежно-кредитной политики. Более того, я не говорил, что денежно-кредитная политика — это главный фактор, хотя это значимый фактор. Даже в наших расчётах, вы правы, ставка была и 21%, и она колебалась. Но здесь важна не дельта, а важна величина реальной процентной ставки и её соотношение с доходностью в реальном бизнесе. Здесь разрыв очень большой, и это перманентный фактор, который оказывает тормозящее воздействие — не столько, условно говоря, дифференциал изменений, сколько величина. Но об этом можно спорить, я просто поясню расчётную схему наших построений.

Второе — это влияет не только на те инвестиции, которые завязаны на кредит, потому что доля кредита в инвестициях сейчас мизерная — 5–6%, раньше была 11%. Но это, как сказать, как лавина: одна капля или один камень может вызвать лавинообразный поток. Когда у тебя периодически нет денег на зарплату, как у многих предприятий, идут задержки, сокращение рабочего времени, — тебе не до инвестиций, или до НИОКРов, что бы там ни было. В этом плане есть поведенческие вещи.

Что касается опросов — во-первых, как раз опросы показывают изменения и повышение роли фактора кредита и дороговизны процентных ставок. Здесь важно, как задан вопрос. Он не является первым, но это примерно то же самое, как, по опросам, все ожидают кризис, когда задаётся вопрос:

«Вы ожидаете кризис?» — «Да»; или: «Кризис продлится ещё несколько лет?». Это отдельная тема.

Более того, если брать опросы что ЦБ, что Росстата, — там нет непрерывной сопоставимой группы, там очень сильно меняются панели. Можно считать, что она меняется, тем не менее все друг на друга похожи. Поэтому опросы тоже надо препарировать. Мы этим не занимаемся, но у коллег в Институте развития [ФСИ] получается более ярко выраженная динамика. И иногда вопрос недостатка финансовых средств, куда входят заёмные и собственные, как раз почти на первом месте — больше, чем общий фактор неопределённости или ещё чего-то. Я сейчас не хочу спорить, здесь, безусловно, поведенческий фактор играет большую роль, но он не столь, я бы так сказал, однозначный.

Может быть, скорее даже вопрос не в этом. Вот вопрос жизнестойкости российской экономики — да, это вопрос жизнестойкости и бизнеса, это вопрос и учёных, которые работают, не имея явных перспектив по зарплате и имея кучу разработок, которые не реализованы. Я сам знаю кучу примеров, когда люди отказываются уезжать и в Штаты, и в Китай, хотя им предлагают и коттеджи, и возможность реализовать то, с чем здесь они годами ходят. Потому что иногда помогаешь, тоже ходишь годами, чтобы хоть что-то получилось.

Здесь, если говорить о культурном коде, то он заключается в том, что у нас действительно есть не просто высокий уровень человеческого капитала, его можно по-разному оценивать. Но всё-таки есть очень большая группа людей, которые хотят себя реализовать в России, рассматривают это как служение, верность. В принципе, действительно какие-то крупные дела можно реализовать здесь и достаточно много людей, работая в зарубежных корпорациях, сюда вернулось. Хотя это такой процесс волнами — кто-то уезжает, кто-то приезжает. С начала СВО многие уехали, тем не менее много и вернулось. Многие работают там, даже те, кто уехал, но они работают на Россию. Потому что это возможность себя реализовать. В этом плане мы, конечно, как были, так и остаёмся страной, где удивительное сочетание потерь и такого давления, и в то же время всё равно такой инициативы и свободы снизу. Хотя сверху её стало сейчас слишком мало, и это тоже серьёзный барьер роста.

Что касается проверок, я имел в виду не проверки налоговой службы, которые периодически приостанавливают, а сейчас действительно и по малому и среднему бизнесу увеличивают. А проверки, которые в этой статистике не отражаются, следakov, всех остальных контор и прокуратуры. Я и сам был вынужден отвечать на всякие вопросы и помогать предприятиям выжить, поэтому прекрасно понимаю, что это такое. В общем, это конвейер: одни пришли, другие пришли. Самое безобидное — это Счётная палата, хотя её вердикт практически всегда будет негативным. Никто не занимается тем, как помочь дело сделать, все ищут, в чём тебя обвинить. У нас оправдательных приговоров меньше, чем во времена Сталина. Это не означает, что сейчас хуже, чем тогда. Так и с проверками: я не знаю примеров, чтобы проверка закончилась не обвинительным заключением. Тем более сам был предметом разных проверок — и в министерстве, да и потом.

Но дело не в этом. Я хочу сказать, что всё равно я действительно верю, что мы можем развиваться намного лучше. Собственно говоря, наша стойкость в 2022–2025 годах, да и сейчас — всё могло рухнуть больше, чем это происходит. В своё время, Леонид Маркович, как раз у вас были разные сценарии развития России, в том числе сценарий «осаждённой крепости». Я исходил из того, что всё-таки мы до этого не дойдём. Но сейчас мы — осаждённая крепость. Но я надеюсь, что из осаждённой крепости у нас так или иначе всё-таки будет выход и произойдут изменения — и внутреннее, и внешнее. Когда, какой ценой...

Я понимаю, что Олег Витальевич [Беклемишев] как бы пнул стратегическое планирование и управление. Но, во-первых, у нас его толком нет. Все знают, что ни одного более-менее долгосрочного решения ни в одной программе у нас нет. Тем не менее сплошь и рядом принимаются решения, которые имеют крайне низкий уровень обоснования, но с долгосрочными стратегическими последствиями. И в этом плане в России, чтобы что-то произошло позитивное, надо жить долго. Поэтому я всем вам желаю жить долго, не терять оптимизма. Как-то прорвёмся. Спасибо.

А.Н. Привалов

Спасибо, Андрей Николаевич. Поскольку так положено — несколько слов в заключение.

Много-много лет назад какой-то предприниматель — тогда ещё предприниматели были вольные, непуганные — году примерно в 2003-м, в 2005-м, написал роман. Роман плохой, но в нём была совершенно чудесная метафора о том, как устроена жизнь в России. Жизнь в России устроена так: вот деньги падают из казны сверху; правильные люди, умные люди, разумные люди, опытные люди, призванные люди — расставляют там, где будут капать деньги, ведра, корыта, лоханки. Всё правильно: бесценные струи улавливают только те, кому положено. Но в тех местах, где какие-то капельки всё-таки выплёскиваются мимо корыт на землю, начинается жизнь. Там что-то расцветает, что-то поднимается, что-то происходит...

И ведь то же самое произошло у нас на глазах. Когда волей-неволей полилось больше воды в корыто, которое называется оборонно-промышленный комплекс, из него стало расплёскиваться, — мы сегодня несколько раз слышали, как в том, или ином, или третьем месте, вроде бы в совершенно не оборонном, пошли вверх разумные показатели. Что-то начало шевелиться, поскольку денег стало больше попадать не только в корыто. Вообще стало больше денег. Без денег вообще ничего не бывает.

Сегодня мы услышали — я, например, впервые за много-много времени услышал вслух хотя бы частичное оправдание денежно-кредитной политики. Заметьте: оправдывается только ключевая ставка. А всё остальное? Андрей Николаевич в своём замечательном докладе довольно много раз сказал, что можно было бы сделать это — ЦБ против; можно было бы сделать это — ЦБ против. Это не ключевая ставка, это, как говорит у Островского какая-то сваха, «леригия». «Леригия» эта — человеконенавистническая, на мой взгляд. Но это пустяки, в конце концов, и не такое бывало. Вон, в Карфагене вообще живых детей сжигали, но это же кончилось. Так что и тут есть надежда.

И мне очень понравились почти заключительные фразы заключительного слова Андрея Николаевича насчёт того, что есть люди правильные, есть люди настоящие, которые, невзирая на то, на третье, на пятое... Я начал с того, как просматривал стенограммы наших предыдущих обсуждений. В одной из них была такая шутка: если нашу отечественную элиту построить в четыре колонны, то три из них будут пятыми... Так вот, Андрей Николаевич замечательно сказал про ту самую четвертую колонну, которая, даст Бог, что-то и вытянет.

Спасибо, Андрей Николаевич! Спасибо всем участникам! Желающие выпить имеют такую возможность.

Никитский клуб

Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 145

Экономика России и геополитические вызовы

Редактор выпуска *Наталья Румянцева*

Вёрстка *Екатерина Ткаченко*

nikitskyclub@moex.com
www.nikitskyclub.ru